И. ГОРОДЦОВ

1825 ГОД

(14 ДЕКАБРЯ)



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925



Ленгиз № 11775.
Ленинградский Гублит № 1898.
4 л. Отпеч. 7.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книжка предназначается для широкого круга читателей, в первую очередь для рабочих и крестьянского актива. Ее задача—выявить классовый характер „декабрьского движения“ и выяснить степень революционности его участников. Для выполнения этой задачи пришлось довольно подробно разобрать программы декабристов, обнаруживая в потоке красивых фраз отражение помещичьих и буржуазных интересов. Пришлось также остановиться и на тактике декабристов. Из их вождей охарактеризованы лишь некоторые, наиболее яркие.

ДЕКАБРИСТЫ.

ГЛАВА I.

Кто такие были декабристы и почему они выступили против самодержавия.

Сто лет тому назад, в декабре месяце, в день вступления на престол Николая I, прадеда последнего русского царя, в Ленинграде, называвшемся тогда Петербургом, некоторыми войсковыми частями была произведена демонстрация против самодержавия. Эту демонстрацию поддержала многолюдная толпа, в том числе и рабочие. Таким образом едва не вспыхнуло настоящее восстание, едва не произошла революция. Однако, царскому правительству удалось подавить движение в течение нескольких часов. Через две недели в Киевской губернии размещенный там Черниговский полк поднял вооруженное восстание против царской власти. Но и оно было быстро усмирено. Эти два выступления называются „декабрьским движением", потому что первое из них произошло по старому стилю [1] 14, а второе 28—31 декабря. Их руководителей называют „декабристами".

Прежде чем рассказывать о том, как именно происходило это движение, почему оно не удалось, и как расправилась самодержавная власть с восставшими, нужно обсудить несколько вопросов. Первый вопрос: кто подготовлял декабрьское выступление и кто руководил им? Второй—чего хотели добиться руководители, какая, следовательно, была у них программа? Третий — почему движение произошло именно в то время?

---

[1] Старым стилем называется счет дней месяцев, принятый в России до Октябрьской революции. По новому стилю или счету, первое выступление было 26 декабря, а второе 9—11 января.

Подготовляли движение почти сплошь офицеры. На первый взгляд непонятно, как могли они выступить на борьбу с самодержавием. Ведь офицеры того времени все были из дворян. А дворянство крепко стояло за самодержавие: царская власть нужна была ему для того, чтобы держать в повиновении и в кабале крепостных крестьян, эксплуатацией труда которых жили и обогащались помещики-дворяне. Однако, нужно принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, далеко не все помещики считали тогда крепостное право выгодным для себя. Дело в том, что именно в первой четверти девятнадцатого столетия, перед декабрьским движением за границей сильно увеличился спрос на русский хлеб и поднялись цены на него. Русским помещикам было выгодно выработать как можно больше хлеба для продажи. А крепостное право мешало этому, так как крепостные работали, конечно, менее производительно, чем вольнонаемные батраки. К тому же значительную часть земли приходилось отводить под крестьянские наделы вместо того, чтобы эксплуатировать ее для торговли хлебом. Вот почему наиболее дальновидные помещики хотели отмены крепостного права с превращением крестьян в батраков. Для таких помещиков не нужно было и самодержавие, охранявшее существование крепостного права. Они думали, что и без всякого побуждения со стороны самодержавного правительства нужда заставит безземельных или малоземельных батраков за дешевую плату обрабатывать „господскую“ землю. Фабриканты и заводчики, нуждавшиеся в наемных рабочих, были тоже против крепостного права, так как оно прикрепляло большую часть населения к земле; поэтому не было запаса свободной дешевой рабочей силы. Но, разумеется, крупные помещики, хозяева „фабрик зерна“ или уральских горных заводов, не говорили, что им выгодно освобождение крестьян, которое избавит их от необходимости кормить своих крепостных крестьян в голодные годы, что им нужны дешевые рабочие руки; нет, они говорили об освобождении во имя „свободы“, во имя христианской „братской любви“.

Вторым обстоятельством, объясняющим выступление многих офицеров против самодержавия, было глубокое недовольство, накопившееся в их среде. Бо́льшая часть царствования Александра I, старшего брата и предшественника

Николая I, прошла в войнах. Россия воевала при нем, главным образом, с Францией. Объясняется это тем, что Франция находилась в смертельной вражде с Англией вследствие соперничества французских и английских капиталистов, а Россия помогала Англии, потому что последняя покупала у нее хлеб и сырье и доставляла нужные ей фабричные изделия.

Следовательно, война велась в сущности ради интересов английских капиталистов и русских помещиков, сбывавших в Англию продукты своего хозяйства. Но, конечно, офицеры, участвовавшие в походах, считали себя „спасителями отечества“ (главная война с Францией, происходившая в 1812 г., была даже названа „отечественной“) и надеялись, что после победы их положение значительно улучшится. В том, что за границей живется лучше, чем в России, они убедились во время своих заграничных походов. Среди офицеров встречались просвещенные и чуткие люди. Они ко многому присмотрелись за границей, многому научились, ознакомились с заграничной революционной литературой. Когда после поражения Франции они вернулись на родину, их ожидало горькое разочарование.

Царь Александр I назначал на высшие должности преимущественно иностранцев, выказывая нескрываемое презрение к русским и к России: конечно, это не нравилось русским помещикам-офицерам, которые, владея землями и крестьянами, чувствовали себя хозяевами государства, и сами хотели занимать выгодные должности. Всесильным человеком в государстве сделался любимец и „друг“ царя генерал Аракчеев. Это был командир-зверь: он оскорблял офицеров, наслаждался истязаниями солдат и заколачивал их палками до смерти. Это был помещик-злодей и самодур: он тиранил и засекал до смерти своих крестьян, штрафовал их даже за то, если в их семьях рождались девочки, а не мальчики. Офицеры называли Аракчеева „проклятым змеем, извергом, вреднейшим человеком, который губит Россию“, а царь писал ему самые нежные письма. Аракчеев не только оскорблял офицеров. По поручению царя, он усердно организовывал особые военные части — так называемые „военные поселения“. Они могли оттеснить старые войска, особенно отборную его часть — „гвардию“, и тем лишить

многих офицеров их влияния и даже службы. Итак, офицеры ожидали улучшения своего положения, а наткнулись на затирание их иностранцами-выскочками, на аракчеевскую муштровку, на опасность потерять заработок.

Некоторые более чуткие офицеры возмущались не только тем, что самодержавная власть пренебрегает их профессиональными интересами, но и тем, что она угнетает весь народ. Действительно, правление Александра I, особенно после окончания войны с Францией, было безобразным. В управлении и в суде господствовал полный беспорядок и вопиющие беззакония. В губернских учреждениях накапливались сотни и тысячи нерешенных дел; за некоторыми губернаторами (начальниками губерний) числились десятки преступлений. Народное образование было отдано под контроль самого темного, самого невежественного и черносотенного духовенства. Из университетов увольнялись талантливейшие профессора, обвиняемые в „безбожном направлении преподавания“, исключались студенты, не проявлявшие особого религиозного рвения. Все науки, даже математику, было приказано преподавать с церковной точки зрения. Цензура (контроль над произведениями печати) свирепствовала. Многие книги (в том числе даже одно сочинение царицы Екатерины II) были истреблены „за вредное направление“. Не допускалась никакая критика начальствующих лиц. Без разрешения правительства нельзя было делать сообщения даже о засухе, граде, неурожае. Некоторые цензоры считали „оскорбительными“ для веры такие выражения, как „небесный“ взгляд, „ангельская“ улыбка и т. д.

Все эти и еще многие другие безобразия возмущали офицеров, побывавших за границей. Те из них, которые не были заинтересованы в крепостном праве, негодовали на зверское обращение помещиков со своими крепостными. Многие офицеры возмущались также палочной муштровкой Аракчеева, истязаниями, которым подвергались солдаты и военные поселенцы. Эти истязания были ужасными. Почти во всех полках имелись подражатели Аракчееву, находившие в мучениях солдат особое удовольствие и приказывавшие наказывать их в своем присутствии во время обеда или чаепития. Одним из таких маленьких „аракчеевых“ был Шварц, назначенный за свое усердие на долж-

ность командира Семеновского полка, считавшегося лучшим гвардейским полком. Во время учения он приходил в какое-то безумное исступление: ревел диким голосом, бросался на землю, чтобы лучше наблюдать, хорошо ли солдаты вытягивают носки, увязывал солдат в ремни для выправки талии, наказывал их даже за то, что они кашляли во фронте. Одно из любимейших его наказаний состояло в том, что он ставил две шеренги лицом одна к другой и приказывал солдатам плевать друг в друга. Кроме общих учений, он ежедневно вызывал к себе десять человек для специальной выучки, которая сводилась к изощренным пыткам. В течение короткого периода командования Семеновским полком он, по официальным сведениям, успел наказать палками 44 солдата, дав им в общей сложности свыше 14 000 ударов. За свою предшествующую службу он замучил до смерти столько солдат, что целое кладбище стали называть его именем. И все же Шварц был далеко не самым жестоким командиром. Понятно, что мало-мальски человечные офицеры не могли относиться вполне равнодушно к таким зверствам. Наконец, не малое влияние на появление „свободолюбия“ в помещичьей среде оказывали и крестьянские бунты, крестьянские восстания. Всем помещикам была памятна та жестокая социальная встряска, которую дал им Емельян Пугачев во второй половине восемнадцатого столетия. А местные восстания крестьян (движение Емельяна Пугачева охватило почти половину государства) — по селам и волостям, уездам и губерниям шли не прекращаясь до самого падения крепостного права в 1861 году.

ГЛАВА II.

Возникновение первых тайных обществ.

Осуждая ужасы и гнет александровского царствования и восхваляя „свободу“, русские либеральные [1] офицеры, однако, долгое время не помышляли о вступлении на революционный путь. Пока что они довольствовались чтением

---

[1] Слово либеральный значит свободолюбивый, стремящийся к политической свободе.

заграничных либеральных книжек да русских рукописных (т.-е. таких, которых нельзя было напечатать вследствие цензурной строгости) произведений, например, стихов Пушкина, в которых он воспевал свободу и грозно осуждал царя.

Далее некоторые офицеры совместно с несколькими невоенными интеллигентами твердили о необходимости устройства „тайных обществ", в состав которых входили бы „самые честные люди", готовые „противодействовать всему злу, тяготевшему над Россией". Зародыши таких „обществ" стали появляться в Москве и Петербурге тотчас же после окончания войны с Францией, т.-е. с 1814 года. На первых порах это были небольшие кружки, состоявшие из нескольких близких друзей или сослуживцев по полку (например, кружок офицеров Семеновского полка). Более многолюдное „общество" образовалось в Петербурге только во второй половине 1816 года. Организаторами его были Александр Муравьев, его двоюродный брат Никита Муравьев, Пестель, князь Трубецкой и еще несколько других гвардейских офицеров, по большей части, из „знатных" княжеских фамилий. Главною целью „общества" объявлялось „благо России", для достижения которого будут употребляемы средства, какие „общество" впоследствии признает „удобными"; ближайшей целью признавалось „отстранение иноземцев от влияния в государстве"; конечная цель заключалась в „введении в России представительного правления", т.-е. в ограничении самодержавия собранием народных депутатов. Составление устава „общества" было поручено Пестелю и князьям Трубецкому и Долгорукову. В начале 1817 г. устав был выработан и принят, и „общество" получило название „союз спасения" или „союз истинных и верных сынов отечества".

Устав определял организацию „союза", придавая ей какой-то театральный характер. Эта „театральность" обусловливалась тем, что большинство членов „союза" были раньше членами масонских лож (религиозные общества, в которых театральная обрядность занимала большое место). Члены „союза" подразделялись на несколько „степеней" (т.-е. разрядов) в зависимости от того, была ли им открыта „тайна", т.-е. конечная цель, „общества", или нет; каждая „степень" имела свое особое наименование, так, например, основатели

„общества“ назывались „боярами“, из которых и составлялся „верховный собор“, полновластно управлявший „союзом“; вступающие в „общество“ должны были принести торжественную присягу перед евангелием и крестом и давать клятву хранить „тайну“, покоряться решениям „собора“ и т. д.; при переходе в следующую „степень“ давалась новая клятва; отступникам грозили „ядом и кинжалом“. Устав намечал также способы расширения „союза“ путем устройства его „управ“, т.-е. ячеек, в других городах. Наименее обстоятельно была разработана программа „союза спасения“. Кроме упомянутых выше „целей“, предполагалось еще „поддерживать полезные мероприятия правительства, разглашать злоупотребления должностных лиц и бесчестные поступки частных людей, безукоризненно держать себя в своей общественной деятельности и в частной жизни, откровенно указывать товарищам на их действия, „противные духу общества“ и т. д.

Как видно, ничего хоть сколько-нибудь революционного в уставе „союза спасения“ не было. Его члены — офицеры из богатых семей были представителями того же класса, что и члены правительства. Вполне естественно, что члены „союза спасения“ хотели изменить порядок в государстве не против царя и правительства, а вместе с ними, во имя общих для них интересов господствующего класса.

Правда, среди членов „союза спасения“, в качестве редких исключений, встречались действительно революционно-настроенные люди. Таков был, служивший тогда в Петербурге в гвардии, П. И. Пестель, выходец из высшей чиновной среды, но не связанный с крупным землевладением, политически образованный, пламенный противник крупного капитала, горячий защитник мелкой буржуазии, страстный почитатель наиболее активных деятелей французской революции. Это был человек исключительных способностей. По мнению знавших его людей, он мог безукоризненно справиться с любым самым сложным делом, везде был на месте. Он обладал глубоким умом, большими познаниями, ораторским талантом и удивительным уменьем убеждать других. Однако, он слишком переоценивал роль вождя, относился с некоторым пренебрежением к массам, не умел увлекать сердца. Поэтому, по словам его товарищей, „с ним не спорили, но его не любили“.

Вследствие своей революционной настроенности Пестель считал, что „тайное общество было революционным с самого начала своего существования и во все продолжение не переставало никогда быть таковым“. Но этот взгляд был очень преувеличенным. Конечно, отдельные члены составляли революционные планы. Так, например, еще в 1816 или 1817 г. Лунин говорил о необходимости убить царя. Особенно же горячо настаивал на цареубийстве Якушкин. Он утверждал, что „для России не может быть ничего несчастнее, как остаться управляемой Александром I“, и выражал готовность „пожертвовать собою для спасения России от погибели“. „Судьба, восклицал он, избрала меня жертвою; я убью царя и после застрелюсь“. В таком же духе высказывался и Федор Шаховской. Однако, все это было скорее громкими фразами, которым слышавшие их, а, может-быть, и сами говорившие не придавали серьезного значения. Так, например, Якушкин впоследствии признавался, что он не знает и никогда не знал, каким образом он хотел совершить убийство. К тому же лица, высказывавшиеся за революционный образ действия, составляли незначительное меньшинство и не встречали сочувствия товарищей.

Значительное большинство членов „союза спасения“ было очень далеко от одобрения революционной тактики и предпочитало „медленное воздействие на общество и на правительство“ путем обличения существующего „зла“ и призывов к установлению „справедливости“ и „блага“. Между членами „союза“ были разногласия и по организационным вопросам. Так, например, некоторые резко нападали на требовавшееся уставом слепое повиновение „верховному собору“, на установленные им клятвы и торжественные обряды. „Союз“ не мог получить крепкой спайки также и потому, что состав его был текучим: одни вступали, другие выходили, одни оставались на службе в Петербурге, другие переводились в полки, стоявшие в провинциальных городах. В числе переведенных был и Пестель. Он получил должность командира Вятского полка, стоявшего в городке Тулыгине, Подольской губернии, и здесь горячо принялся за пропаганду своих идей.

Летом 1817 года „союз спасения“ прекратил свою деятельность. Следовательно, его существование было очень

кратковременным. Это и неудивительно: программа его, как видно из сказанного, была очень туманной; театрально-торжественный устав не мог соблюдаться, так как многие члены относились к нему не серьёзно, а были и такие, которые на самое пребывание в „союзе“ смотрели как на своего рода развлечение.

Однако, мысль о „тайном обществе“ не умерла, и когда осенью 1818 года большинство бывших членов „союза спасения“ собралось в Москву, куда была временно переведена гвардия, они стали вновь организовываться. Александр Муравьев учредил особое „военное общество“, весьма сходное с „союзом спасения“ и представлявшее также в сущности „говорильню“: по словам Якушкина, „члены сходились для того, чтобы познакомиться и сблизиться друг с другом; каждый говорил свободно о предметах, занимавших всех“. Это довольно многолюдное „общество“ оказалось, однако, очень недолговечным. Значительное большинство его членов перешло вскоре в „союз благоденствия“, зародившийся также осенью 1818 года на московских совещаниях бывших членов „союза спасения“ и перенесший свою деятельность в Петербург, когда вернулась туда гвардия.

На совещаниях в Москве было приступлено к выработке устава. По настоянию Михаила Муравьева, за образец приняли устав немецкого „союза добродетели“. Этот последний „союз“ был образован в то время, когда население Пруссии, особенно высшие, имущие его слои, находились под гнетом завоевателей французов. Заветная мечта основателей „союза добродетели“, большею частью прусских офицеров-помещиков, заключалась в том, чтобы подготовить народ к борьбе с французами и поднять авторитет прусского правительства, жестоко поколебленный целым рядом военных поражений. Однако, говорить открыто о подготовке борьбы было невозможно из опасения навлечь этим репрессии (т.-е. преследования) со стороны Франции. Поэтому показной целью „союза добродетели“ объявлялось „улучшение нравственного состояния и благосостояния прусского и немецкого народа“ путем общих и объединенных стремлений „честных людей“. Устав подробно перечислял те отрасли деятельности, в которых должны были подвизаться его члены, и давал им очень

эффектные наставления относительно того, как надлежит выполнять свои обязанности. Под покровом прекрасных слов об „ободрении советами рабочего сословия и о помощи безвинно обедневшим“ явно проглядывают интересы прусских имущих классов. Далее устав много говорил о „создании в низших классах народа общественного мнения, благоприятного для государя и правительства“, о поддержании „трона нынешнего властелина Пруссии“. Ясно, что столь „благонамеренный“ „союз добродетели“ не был тайным для правительства. Напротив, его устав был утвержден королем, который, однако, вскоре сделал распоряжение о закрытии „союза“, вероятно, по требованию Франции.

Вот этот-то устав и взят был в качестве образца организаторами русского „союза благоденствия“. Объясняется это тем, что интересы русских офицеров-помещиков во многом совпадали с интересами имущих классов Пруссии. А, сверх того, русские гвардейцы, как упомянуто, уж больно любили красивые слова и фразы. Вот почему в уставе „союза благоденствия“ таких прекрасных фраз еще больше. Ему предпослано специальное философское „вступление“. В этом вступлении возвещается, что основной естественный закон государства есть „соблюдение блага общего“, что в нем должна господствовать „непременная справедливость“, обеспечиваемая законами и правительством, которое „наблюдает за исполнением и улучшением этих законов и должно иметь своей целью „благо управляемых“. Далее устав высказывает убеждение, что „добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной“, и объявляет, что „союз благоденствия“ „вменяет себе в святую обязанность“ распространять между соотечественниками „истинные правила нравственности и просвещения“ и тем содействовать правительству возвести Россию „на степень величия и благоденствия“. Подобно „союзу добродетели“, „союз спасения“ предлагает каждому своему члену избрать и безупречно выполнять одну из четырех „отраслей“ деятельности, каковыми являются „человеколюбие“, „образование“, „правосудие“, „общественное хозяйство“. Обязанности, связанные с этими отраслями, подробно перечисляются. Тот, например, кто избрал „отрасль человеколюбия“, должен побуждать соотечественников к основанию новых благотвори-

тельных учреждений, работать в них, склонять помещиков „к хорошему обхождению с крестьянами“, „снабжать праздношатающихся людей работами“, учреждать „рабочие заведения“ и т. д. Посвящавший себя „правосудию“ обязывался наблюдать за решаемыми в правительственных учреждениях делами и содействовать решению их по справедливости, искоренять злоупотребления чиновников, восхвалять „добрых“ помещиков, бороться с продажей крепостных людей в рекруты и с продажей их поодиночке, согласовывать интересы различных племен и сословий. Занятие „общественным хозяйством“ обязывало „вводить строгую честность в торговле, без которой всегда будет существовать недоверчивость“, организовывать общества „для усовершенствования хлебопашества и прочих родов промышленности“.

Согласно устава, в „союз благоденствия“ приглашались все граждане мужского пола без различия сословий, однако, „вольные“ (т.-е. не крепостные), „удостоившиеся в обществе доброго имени своею честною жизнью“, „исповедующие христианскую веру и имеющие не менее 18 лет“. Члены подлежали строгой союзной дисциплине и должны были давать подписку в соблюдении „законов“ союза и подчинении его властям. Таких „властей“ было много: некоторые единоличные (например, „блюститель“ союза, „председатель коренного совета“), другие — коллегиальные, т.-е. состоящие из нескольких лиц (например, „коренной союз“ — собрание основателей „союза благоденствия“, т.-е. его ядра, „совет коренного союза“, „коренная управа“). Вообще, организация намечалась довольно стройная, но очень сложная, рассчитанная на широкое распространение деятельности союза и на расширение состава его членов. Такое расширение должно было происходить путем вербовки основными членами „союза“ новых членов, из которых образовывались новые „управы“, являвшиеся ячейками „союза благоденствия“, разветвлениями его.

Изложенные постановления устава, касавшиеся „отраслей деятельности“, принятия вновь вступающих и организации, составляли первую часть его, которая была утверждена собранием членов „союза благоденствия“. Однако, устав имел и вторую часть, содержавшую указание „политических целей“, относительно которых не вполне могли договориться. Поэтому вторая часть устава не была не только утверждена, но

даже вполне разработана. Она не сохранилась и судить о ней можно лишь по отдельным показаниям членов союза.

Каковы же были „политические цели“ членов „союза благоденствия?“. Они хотели уничтожения крепостного права и военных поселений, сокращения срока и облегчения военной службы, установления равенства всех перед законом и введения конституционного образа правления, т.-е. ограничения самодержавия.

Ничего революционного, ничего противоправительственного в этих пожеланиях не было. О необходимости уничтожения „рабства“, т.-е. крепостного права, Александр I не только говорил, но даже поручал своим приближенным, в том числе и Аракчееву, составлять соответствующие проекты. В Прибалтийском крае (нынешней Эстонии и Латвии, принадлежавших тогда России) крепостное право было действительно отменено; при этом, к великой выгоде помещиков, крестьяне были обращены в безземельных батраков. Равным образом Александр I часто говорил о конституции, хвастался даже, будто он по своим убеждениям — республиканец, восхвалял свободу народов. По его приказанию не раз писались проекты конституции. Он обещал сохранить конституцию Финляндии, когда она была завоевана русскими войсками, и „даровал“ конституционную форму правления присоединенным к России польским областям.

Итак, цели „союза благоденствия“ не были революционными. Но и они не всем членам сообщались полностью. Так, например, о „конечной“ цели — введении конституции, знали лишь некоторые, коренные члены. Вновь вступающих обыкновенно заманивали лишь туманными фразами о том, что „общество“ стремится к „благу России“, к „общей пользе“ и т. д. На собраниях членов „союза благоденствия“, по словам одного из их участников, „речь шла только о теориях, а намерения действовать не было“. Действительно, коренные члены „союза“, готовясь избирать себе „отрасли деятельности“, надеялись примером своей общественной работы увлечь окружающую среду, вызвать ее на подражание, перевоспитать и облагородить ее, и, таким образом, подготовить к принятию „конституции“.

Как видно, это была совершенно утопическая, т.-е. несбыточная, тактика мирной да к тому же замаскированной

пропаганды, а совсем не политическая, революционная деятельность. При этом и пропаганда велась слабо. Целому ряду виднейших „коренных“ членов вовсе не удалось образовать „управ“, т.-е. распропагандировать десять человек (такое число требовалось для открытия „управы“). В Петербурге, где находилось главное ядро „союза“, в 1819 году действовало шесть-семь „управ“ и еще два-три отдельных „общества“, примыкавших к „союзу благоденствия“, например, „союз русских“, специализировавшийся на крестьянском вопросе. В Москве было две или три управы. Из провинциальных управ заметной и интересной была только Тульчинская, энергично руководимая Пестелем. Остальные провинциальные, да и некоторые столичные, управы числились лишь на бумаге. „Бумажной“, т.-е. далеко не вполне осуществленной на практике, оказывалась и организация центрального управления „союзом“. Во главе его стояли такие богачи—„аристократы“, как Трубецкой, Долгоруков, Толстой, Никита Муравьев, Тургенев. Ясно, что революционная настроенность была чужда им! Легко догадаться, что оба названных „общества“—„союз спасения“ и „союз благоденствия“ только назывались „тайными“. На самом деле правительство хорошо знало о них, а их „уставы“ и программы были прекрасно известны самому царю. К тому же некоторые члены „союза благоденствия“ на первых порах намеревались даже преподнести свой „устав“ Александру I, надеясь, что он утвердит его, как делал это некогда прусский король с уставом „союза добродетели“.

Зная о „тайных обществах“, правительство смотрело на них „сквозь пальцы“, потому что просто не боялось еще этих „обществ“ и не хотело дразнить дворянства преследованиями их членов—гвардейских офицеров и даже генералов. Да и члены „союза“ не считали свою деятельность противоправительственной. Они верили еще в возможность „полезных начинаний“ правительства, ставили своей задачей „поддерживать их“ и „разглашать злоупотребления“. Они надеялись, что царь добровольно исполнит их желания.

Однако, с течением времени революционное настроение охватило большее чем прежде число членов „союза благоденствия“. Характерно, что сильным толчком к этому послужила конституция, „дарованная“ Александром I Польше, и слухи о его намерении присоединить к последней соседние

русские губернии. Члены „союза“ не разбирались в том, что польская конституция очень плоха, что она совсем не удовлетворяет польского народа. Им казалось, будто „царь влюблен в Польшу“. Они возмущались тем, что поляки, сражавшиеся недавно в рядах французской армии против России, получили конституцию, а русские — „аракчеевщину“. У них кипело „ожесточение“ против Александра I, и все бо́льшее число их приходило к сознанию необходимости переворота. Как гвардейские офицеры, они отлично понимали, что в прежнее время гвардия неоднократно совершала перевороты, не раз свергала прежних царей. Ведь и отец Александра I, Павел I, был умерщвлен кучкой гвардейских офицеров.

Однако, обстоятельства несколько изменились. В прежнее время гвардейцы — дворяне и крепостники — низвергали неугодного себе царя, чтобы посадить на его место угодного царя или царицу. Царь нужен был для поддержания крепостного права, для ведения войн, дававших новые рынки помещичьей торговле. Теперь, при Александре I, далеко не все помещики, как сказано, цеплялись за крепостное право. Некоторые считали его прямо невыгодным. Это доказывается тем, что в „тайном обществе“ больше всего говорилось об „освобождении“ крестьян. К тому же к этому времени успела несколько окрепнуть русская промышленность, и многие дворяне занимались ею. А капиталистам-промышленникам нужна была отмена крепостного права, так как она дала бы им избыток рабочих. Напротив, в самодержавной царской власти они вовсе не нуждались, потому что могли подчинять себе рабочих „не дубьем, а рублем“, т.-е. держать их в экономической зависимости. Русские офицеры знали, что во многих заграничных государствах уже не было самодержавия, что некоторые из них превратились в республики, а власть в них продолжала оставаться в руках помещиков и капиталистов.

Вот почему среди членов „союза“ все больше и больше стали распространяться р е с п у б л и к а н с к и е взгляды. Когда в начале 1820 года на заседании ядра „союза“ был поставлен вопрос о желательной для России форме правления, то все присутствующие, за исключением одного, высказались за республику. Средством для установления республики заправилы „союза“ считали военную революцию, т.-е. переворот, совершаемый войском по команде и под руководством

офицеров. В таком именно виде представлялась им революция не только потому, что они сами были офицерами, но и потому, что так совершались в России дворцовые перевороты в прежнее время. Кроме того, как-раз в 1820 году в Испании и Италии вспыхнули офицерские военные революции, произведшие сильное впечатление на членов „союза“.

Итак, с 1820 года у некоторых членов „союза благоденствия“ развивается стремление к чисто политической деятельности, вырабатывается готовность вступить на революционный путь. Это особенно проявилось в Тульчинской управе, руководителем которой был Пестель, а членами небогатые армейские офицеры. Здесь в ядре „управы“ обсуждался вопрос о цареубийстве, включавшемся в программу военной революции. Здесь Пестель говорил о необходимости организации временного правительства, задачей которого являлось поддержание порядка и введение нового правления после революции. В связи с этим ставился вопрос о преобразовании „союза благоденствия“ для наделения его ядра сильною, диктаторскою властью и о пересмотре туманной соглашательской программы „союза“.

Понятно, что эти разговоры напугали малодушных членов „союза“. Они боялись диктатуры революционно-настроенного Пестеля, укоряли его в том, будто он организует „заговор в заговоре“, выделяя особое ядро, не посвящавшее в свои планы всех членов. С другой стороны, понятно также, что такие „слабосердые“ ненадежные члены, вносившие в „союз“ только раскол, были очень нежелательны для Пестеля и его ближайших товарищей. Наконец, сделалось известным, что правительство перестало считать „союз“ несерьезной организацией и занялось выслеживанием его членов.

Толчком к изменению прежнего взгляда правительства на „тайные общества“ послужил так называемый „бунт“ Семеновского полка. Весь „бунт“ выразился только в том, что доведенные до отчаяния преследованиями упомянутого выше Шварца солдаты одной роты стали просить о смягчении его муштровки, а когда за такую просьбу эта рота была арестована, то весь полк принялся настаивать на освобождении ее и отказывался от несения службы. За оружие солдаты не брались, никаких насилий не производили. Они грозили только расправиться со Шварцем, устраивали сходки

*

для обсуждения своего положения и терпеливо ждали приезда царя, надеясь, что он рассудит их по справедливости. Движение было чисто солдатским. Оно было вызвано не только зверствами Шварца, но и тем, что он не позволял солдатам в свободное время заниматься ремеслом, дававшим им некоторый заработок, да вдобавок заставлял еще их расходовать деньги на разные причуды (напр., на наклейку искусственных усов и т. п.). Хотя в полку было несколько офицеров— членов „общества“,—и некоторые из них были в хороших отношениях с солдатами, однако, во время „бунта“ эти офицеры занимались только увещаниями солдат не нарушать дисциплины. Тем не менее правительство истолковало волнение семеновцев, как настоящий „бунт“, вызванный „вольномыслием“ офицеров. Для „усмирения“ безоружных солдат, ждавших „царского заступничества“, был мобилизован чуть не весь столичный гарнизон с артиллерией. „Бунтовщиков“ постигла зверская расправа, а к офицерам царское правительство стало присматриваться и выяснять их отношения к „тайным обществам“. Как-раз в это время созывался в Москве съезд заправил „союза благоденствия“ для пересмотра союзного устава.

Указанные причины, а именно желание очистить „общество“ от ненадежных и „слабосердых“ членов и необходимость отвести от себя слежку и надзор правительства, побудили московский съезд объявить о закрытии „союза благоденствия“, о чем члены были письменно оповещены. Однако, закрытие было только формальным, т.-е. показным. Заправилы „общества“ не собирались отказываться от политической деятельности и намеревались возродить „союз“, но только с более надежным составом членов и с определенными задачами. В Петербурге не удалось сразу восстановить его. Что же касается „Тульчинской управы“, то она фактически вовсе не закрывалась и лишь была переименована в „южное общество“.

ГЛАВА III.

Южное общество: его организация, программа и деятельность.

Вождем „южного общества“ был Пестель, давший ему определенную организацию, составивший для него программу и направлявший его деятельность. Во главе „общества“

была поставлена „директория“ (т.-е. управление) из двух лиц,— Пестеля и Юшневского, — из которых второй вполне подчинялся первому. Так как директория была облечена очень сильною властью и могла решать важнейшие вопросы, не созывая общих собраний членов, то на самом деле установилась диктатура Пестеля. Власть его распространялась не только на „Тульчинскую управу“, но и на две другие ячейки „южного общества“,—„управы“ Каменскую и Васильковскую. Ближайшими руководителями первой были Волконский и Давыдов, а второй,—Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин.

Выработанная Пестелем программа „южного общества“ называлась „Русской Правдой“. Она представляла собою наказ для временного правительства, которое должно было образоваться после низвержения царизма. В ней излагались те реформы, проведение которых, по мнению Пестеля, составляло ближайшую задачу этого правительства. По своему содержанию „Русская Правда“ является программой мелкобуржуазной, радикальной (т.-е. требующей коренных изменений) и вместе с тем весьма националистической, т.-е. выдвигающей вперед интересы собственно русского населения в ущерб интересам национальных меньшинств.

Рассмотрим подробнее указанные черты программы Пестеля. Он обстоятельно доказывает вред для государства и несправедливость тех преимуществ, которыми пользуются дворяне (напр., освобождение от податей и от обязательной службы), и приходит к выводу, что „самое звание дворянства должно быть уничтожено и его члены, поступая в общий состав российского гражданства, должны быть, подобно прочим россиянам, расписаны по волостям“. Еще гораздо более отрицательно относится Пестель к крупным капиталистам, называемым „аристократией (т.-е. знатью) капитала“. По его словам, это класс—„самый бесчеловечный, до чрезвычайности умножающий число бедных и нищих и основывающий свое влияние на народ на золоте и серебре“. „Аристократия богатства“, по мнению Пестеля, много вреднее помещиков, и он призывает будущее временное правительство к борьбе с накоплением крупных капиталов путем целого ряда мер. Он требует предоставления каждому человеку „полной и совершенной свободы“ заниматься любой

отраслью промышленности, требует уничтожения всяких затруднений, препятствий и ограничений торгово-промышленной деятельности, от которых выигрывают только крупные капиталисты. Призывая к борьбе с накоплением капитала, Пестель, однако, вовсе не отрицает частной собственности. Напротив, по его словам, „право собственности есть право священное и неприкосновенное“, и „каждый гражданин должен быть в полной мере уверен, что никакое самовластие не может лишить его даже маленькой части его имущества.“ Как видно, Пестель защищал именно мелкую собственность. Это было естественно для выразителя интересов мелкой буржуазии, разоряемой и угнетаемой ростом крупного капитала.

К крестьянскому вопросу Пестель подходил очень осторожно. Правда, он признавал крепостное право „делом постыдным“, „противным человечеству и вере христианской“ и высказывал требование, „чтобы рабство было совершенно уничтожено, и чтобы полезное сословие крестьян не было забыто“. Однако, вместе с тем он решался утверждать, будто „у самых добрых господ крестьяне совершенным благоденствием пользуются“. Далее, исходя из того, что отмена крепостного права „требует зрелого обдумания и произведет в государстве весьма большую перемену,“ Пестель советовал проводить ее постепенно. При этом временное правительство, по мнению Пестеля, должно было руководствоваться проектами дворянских собраний. Наконец, он указывал, что „освобождение крестьян от рабства не должно лишать дворян дохода, получаемого ими от поместий“. Впрочем, он добавлял, что „освобождение должно доставить крестьянам лучшее положение против теперешнего, а не мнимую свободу им даровать“. Пестель думал, будто едва ли найдутся „злосовестные“ дворяне, которые будут противиться уничтожению крепостного права. Если же такие „изверги“ окажутся, то к ним должны быть применены строжайшие наказания.

Эти рассуждения Пестеля о постепенной отмене крепостного права на основании проектов дворян и с соблюдением их выгод глубоко противоречат упомянутым выше рассуждениям о вреде дворянских преимуществ и о необходимости уничтожения самого дворянского класса. Такое

противоречие объясняется тем, что Пестель понимал, какое сопротивление он может встретить в дворянской среде со своими начинаниями по крестьянскому вопросу. С другой стороны, несмотря на свой радикализм, Пестель, все же и происхождением, и воспитанием, и службой, и бытом крепко связан был с дворянством.

Во всяком случае, Пестель пришел к выводу, что все люди должны быть равны перед законом, что все они „имеют одинаковые права на все выгоды, государством доставляемые,“ и все одинаково обязаны „нести все тяготы,“ связанные с государственным устройством (одною из таких обязанностей является воинская повинность, которой подлежат все граждане, достигшие 20 лет, и которая выполняется в течение 15 лет). Разделение жителей государства на сословия (дворяне, крестьяне, мещане) Пестель считал вредным и требовал, чтобы сословия были непременно уничтожены, и чтобы все население составляло только одно сословие „граждан“.

Далее Пестель указывал необходимые, по его мнению, права граждан. Первым и важнейшим из них он признавал „личную свободу“. Она обеспечивается тем, что „никто из граждан не должен быть лишен свободы и под стражу посажен иначе, как законным образом и законным порядком“. К гражданским правам относятся также свобода книгопечатания и свобода вероисповедания (однако, „православная вера“ все же признается господствующей). Свободу собраний Пестель значительно ограничивал: при том государственном строе, который установится после революции, он не допускал образования никаких частных обществ, ни открытых, ни тайных. Первые он считал бесполезными при наличности государственных организаций. Вторые, по его словам, могут быть только вредными, так как при новом государственном порядке придется скрывать лишь что-нибудь дурное. Избирательное право, т.-е. право выбора представителей в намеченные „Русской Правдой“ республиканские органы власти, предоставлялось Пестелем **всем** гражданам независимо от имущественного положения.

Указанные права и „свободы“ являются обычными требованиями мелкобуржуазных политических программ. Однако, в одном отношении Пестель шагнул значительно вперед

по сравнению с другими мелкобуржуазными идеологами (т.-е. выразителями интересов мелкой буржуазии). Именно, он требовал предоставления каждому гражданину права на известный земельный надел в ра-мере, необходимом для существования. Для обеспечения этого права должен быть образован государственный земельный фонд посредством отчуждения в пользу государства части земель крупных помещиков. У наиболее крупных землевладельцев земля могла отбираться безвозмездно, у остальных за некоторое вознаграждение. Получившийся фонд предполагалось разделить на две половины. Одна, под названием земли общественной, поступала в распоряжение волостного общества и распределялась на равные участки, предоставлявшиеся в пользование, а не в собственность каждому желающему приложить свой труд. Другая половина, под наименованием земли частной, оставалась во владении государства и могла переходить в аренду и в собственность частных лиц. Ею можно было распоряжаться с полною свободою. Назначение первой — общественной — половины, заключалось, по мнению Пестеля, в том, чтобы доставить гражданам необходимые средства для существования. Вторая половина, предназначенная для образования частной собственности, должна была служить для доставления „изобилия", т.-е. накопления некоторого достатка.

Только что изложенный аграрный (т.-е. земельный) проект Пес-еля можно назвать „наци-нализацией" (т.-е. переходом в собственность государства) земли. Правильнее, однако, называть это полунационализацией, так как, ведь, значительная часть земли оставалась в частном владении. В „Русской Правде" Пестель писал, что его проект примиряет два противоположных мнения о земле. Одно из них признает, что земля есть „общая собственность всего рода человеческого" и потому не может быть частною собственностью. Другсе утверждает, что собственность основывается на приложении труда и, следовательно, тот, кто обработал землю, может считать ее своей. Надо, однако, думать, что, составляя свой проект, Пестель руководствовался не только указанными отвлеченными рассуждениями. Несомненно, он понимал, что осуществление такого проекта, дав крестьянам большую прирезку земли, обеспечило бы революции поддержку крестьян-

ства. Пестель, как умный революционер, так сказать, расширяет базу революции, заинтересовывая в ней не только передовое буржуазное дворянство. Аграрный проект Пестеля является наиболее интересной частью его программы. Опередив этим проектом многих своих современников, Пестель все же был, как это видно из изложенного, очень далек от социализма. Ведь он стремился к тому, чтобы граждане были мелкими сельскими хозяевами. А это именно мелкобуржуазный идеал!

Обратимся теперь к рассказу о том, как представлял он себе будущий государственный строй после революции. Прежде всего он являлся самым горячим противником „федеративного“ строя, при котором области, составляющие государство, сохраняют свой особый внутренний распорядок и могут издавать для себя особые законы. Пестель утверждал, будто при федеративном устройстве объединяющая верховная власть всегда бывает слаба, будто каждая область смотрит на нее, как на „неприятную и нудную“ и тянет врозь. Осуждая федеративный строй вообще, Пестель признавал его особенно вредным и непригодным именно для России, вследствие разноплеменности ее населения. По его мнению, при федеративном строе национальные меньшинства „скоро отложатся от коренной России, и она потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами“. По словам Пестеля, „всякая мысль о федеративном устройстве должна отвергаться, как пагубнейший вред и величайшее зло“. Он представлял себе Российское государство лишь „единым и неразделимым“. Это означает, что все части или области, составляющие государство, должны иметь „одну общую верховную власть, один образ правления, одни законы“.

Соответственно этому Пестель признавал важнейшей задачей временного правительства „составить из различных народов и племен, населяющих Россию, только один народ и слить их в одну общую массу так, чтобы обитатели всего пространства Российского государства были бы все „русские“. В качестве средства для этого он рекомендовал прежде всего установление на всем пространстве России господства одного только русского языка. Он не признавал никакого „истин-

ного различия“ между великоруссами, украинцами и белоруссами и считал их всех одинаково „истинными россиянами“. Далее он предлагал совершенно уничтожить наименования национальных меньшинств и слить их в одно название русских.

Не ограничиваясь общими наставлениями, Пестель измышлял специальные меры для обрусения некоторых национальных меньшинств. Он ставил, например, в обязанность будущему правительству ввести в Финляндии, взамен ее конституции, русские законы и управление, а также русский язык, устроив для преподавания его особые училища. Наиболее суровые обрусительные меры намечались Пестелем для кавказских народов: „решительное покорение“ племен, живущих в полосе, граничащей с Турцией и Персией; разделение всех кавказских народов на два разряда: „мирных“ и „буйных“: обрусение первых и насильственное переселение в чисто-русские области „буйных“ племен, с передачей отнятых у них земель русским переселенцам. Много внимания уделял Пестель „еврейскому вопросу“. Ему казалось, будто евреи составляют в русском государстве свое особое, отдельное государство. и будто они пользуются в России бо̀льшими правами, чем христиане, и неприязненно относятся к последним. Для устранения всего этого он намечал устройство отдельного еврейского государства где-нибудь в Малой Азии и советовал будущему русскому временному правительству оказать евреям известную военную поддержку в деле организации такого государства.

Некоторое исключение Пестель делал для Польши. Он принимал во внимание, что она в течение многих веков была большим самостоятельным государством. Далее он признавал соответствующим „великодушию славного российского народа даровать самостоятельность низверженному польскому народу в то время, когда Россия устраивает для себя новую жизнь“. Наконец, как увидим ниже, Пестелю нужна была поддержка польского тайного общества. Вследствие всего этого он готов был предоставить полякам, в отличие от других народностей, „самоустройство“, т.-е. особую государственную организацию. Однако, это „самоустройство“ было обставлено весьма существенными оговорками. Так, границы будущей Польши должны быть определены русским прави-

тельством в интересах России и без допущения каких-либо возражений со стороны Польши, затем должен быть заключен тесный союз между Россией и Польшей, при чем от последней требовались доказательства, что она „с должною признательностью принимает оказываемое ей благодеяние“. Наконец, ставилось условие, чтобы в Польше был введен такой же общественный и государственный строй, какой предполагался „Русской Правдой“ для России. Как видно, „самоустройство“ Польши было довольно-таки призрачным. К тому же поляки, как сказано, составляли в проекте Пестеля единственное исключение. Все остальные национальные меньшинства должны, по его мнению, „навеки отречься от права отдельной народности“ и навсегда оставаться составными частями Российского государства

Отрицательное отношение Пестеля к федеративному устройству и полное непризнание им права народов на самоопределение характерны именно для мелко-буржуазной программы, в которой словесная крикливая революционность часто сочетается с крайним национализмом, т.-е. с возвеличиванием только своего народа и с подавлением национальных меньшинств. Так, например, обстоит теперь дело в таких „демократических“ республиках, как Эстония, Польша и др.

Пестель не уяснял себе, что всякое государство бывает классовым. Он считал, что „цель государства состоит в благоденствии всего общества и каждого из членов его“. Возлагая на правительство обязанность доставлять гражданам блага как политические, так и материальные (например, право на землю, обеспечивающее существование), Пестель предлагал наделить его сильною почти диктаторскою властью. Он требовал от граждан неуклонного повиновения правительству. Требовал так же, чтобы каждый гражданин жертвовал своими личными интересами в пользу общего блага. Что касается органов государственной власти, то „Русская Правда“ намечала довольно сложную систему их. Она имеет следующий характер. Несколько рядов местных выборных учреждений (земские народные собрания, волостные, уездные и окружные наместные собрания) возглавляются „народным вечем“, состоящим из депутатов, избранных народом на пять лет. „Вече“ издает законы, объявляет войну и заключает мир. Управление поручается „державной думе“ из пяти лиц, также избран-

ной народом на пятилетний срок и обладающей, как сказано, огромной властью. Предполагается еще „верховный собор“ из 120 лиц, избираемых пожизненно. Он должен утверждать законы, наблюдать за всем управлением и назначать главнокомандующего армией.

Сделанный нами подробный разбор „Русской Правды“ подтверждает ту характеристику ее, которая была дана перед изложением ее содержания. Действительно, „Русскую Правду“ нельзя назвать дворянской, чисто помещичьей программой. Она заботится не столько об интересах дворянства, сколько о мелких собственниках, мелких хозяйчиках, затираемых развитием капитализма и крупного землевладения. Иными словами, она — программа мелко-буржуазная. Вместе с тем она отличается радикализмом. Это означает, что Пестель желал коренным образом порвать с прошлым. Однако, при всем своем радикализме программа Пестеля, как несколько раз указывалось, очень и очень далека от социализма. Следует еще отметить, что Пестелю были не чужды утопические, т.-е. несбыточные, мысли. Так, например, он надеялся, что, если после предполагаемого переворота временное правительство будет проводить реформы, намеченные в „Русской Правде“, тогда дело обойдется без гражданской войны, без всяких потрясений. Ему казалось, будто потрясения при революциях происходили от того, что революционные правительства, не имея соответствующего наказа, могли действовать по произволу; и будто народ начинал междоусобия потому, что не знал намерений правительства. Пестель высказывал даже такую наивную мысль, будто „добрые дворяне“, ознакомившись с „Русской Правдой“, окажутся „истинными сынами отечества“ и „с удовольствием и радостью“ примут постановление об уничтожении всех своих преимуществ. По мнению Пестеля, дворяне убедятся в том, что выгоды, даваемые „Русской Правдой“ всем гражданам, более ценны, чем эти преимущества, и согласятся потерять „постыдное“ (т.-е. преимущество) для приобретения „похвального и достойного“ (т.-е. общегражданских прав.) Лишь со стороны очень немногих дворян Пестель ожидал противодействия своей мелкобуржуазной программе. Такие надежды были, конечно, ошибочными. Дальше будет указано, что даже у революционно-настроенных дворян было много несогласий с Песте-

лем, не говоря уже о рядовом дворянстве, не осознавшем еще невыгодности крепостного права и стоявшем за самодержавную власть. Следовательно, Пестель ошибался в своих расчетах, составляя программу.

Сейчас мы увидим, что он делал ошибки и в своей тактике, т.-е. в своей деятельности. Общее направление было выбрано им правильно. Именно средство для низвержения самодержавия он видел в вооруженном восстании. Это восстание было продумано им до мельчайших подробностей и представлялось ему следующим образом. Оно должно начаться в Петербурге. Затем его поддерживает южная армия, размещенная в Подольской и соседних губерниях. Ее восстание должно начаться арестом главнокомандующего и штаба, для чего предназначался полк, состоявший под командой Пестеля. Между отдельными офицерами были распределены разные поручения. Далее предполагалось заставить Синод (высшее церковное учреждение) и Сенат (высшее гражданское учреждение) издать манифесты, призывающие народ присягнуть временному правительству. Полномочия последнего должны были сохраниться восемь или десять лет. Намечалось даже, что временное правительство объявит войну Турции, чтобы зарекомендовать себя перед народами Европы.

Однако, весь этот обстоятельный план был продуман Пестелем как-то совсем по-книжному. Вместо практической подготовки он занимался на съездах главарей „южного общества“ обсуждением всех подробностей будущего государственного устройства, вел научные беседы о республике, отвергал предложения своих товарищей приступить скорее к делу. Далее, хотя вопрос об истреблении всей царской фамилии, как первом шаге революции, возбуждался Пестелем почти на каждом съезде и был решен в утвердительном смысле огромным большинством его товарищей, однако, и по этому вопросу он ограничивался книжными рассуждениями, не вырабатывая никакого определенного плана покушения. Наконец, замышляя военную революцию, Пестель совсем не занимался пропагандой среди солдат. В этом отношении он рассуждал совсем по-офицерски: несмотря на свою революционность, он все же смотрел на солдат как на „пушечное мясо“, видел в них вымуштрованную команду, слепо действующую по приказу офицеров. Оторванность от солдат

была важнейшей ошибкой Пестеля. Впрочем, он был оторван и от рядовых членов „общества“ — офицеров. Недаром Вятский полк, состоявший под командой Пестеля, оказался наименее подготовленным к революции, а Тульчинская „управа“ была наименее активной из трех управ. Тактика Пестеля объяснялась той чертой его характера, о которой уже упоминалось, а именно преувеличенным мнением о роли вождя и принижением значения массы.

Характерно также, что Пестель, повидимому, совсем не задумывался над тем, откуда взять денежные средства, необходимые хотя бы на продовольствие для войска при начале революции. Вопрос об этом возбужден был лишь в 1825 г., чуть не накануне выступления. Возбудил его в отсутствии Пестеля один ненадежный член общества (Тизенгаузен), а остальные отнеслись к этому прямо по ребячески. Так, например, кто-то предложил воспользоваться для продовольствия армии запасами одной богатой помещицы, другой посоветовал офицерам собрать деньги в складчину, третий успокоил товарищей заявлением, что так или иначе деньги будут. Неизвестно, как относился к этому вопросу Пестель.

Медлительность и книжность Пестеля расхолаживали революционный пыл некоторых членов „южного общества“. Находились среди них и такие, которых задевал его „тон учителя“, которые подозревали его в личном властолюбии и не доверяли ему. Разлад усиливался еще и потому, что среди „южан“ оказался человек, предлагавший совсем иную тактику, чем Пестель. Это был горячий, пылкий, увлекающийся Сергей Муравьев-Апостол, который сделался помимо своей воли соперником Пестеля по влиянию на „южное общество“. Он хотел прежде всего „действия“, т.-е. революционного выступления, а не рассуждений, хотя по некоторым вопросам он был менее революционным, чем Пестель. Так, например, разногласие между ними началось на съезде в 1823 году. Здесь Муравьев-Апостол вместе со своим ближайшим товарищем Бестужевым-Рюминым возражали против предложенного Пестелем истребления всей царской семьи, при чем Муравьев-Апостол, в противовес этому, предложил свой план ареста Александра I и истребования у него конституции. Он не только предложил его, но и немедленно

стал готовиться к его выполнению в виду распространившихся слухов о предстоящем приезде царя в Бобруйск. План состоял в том, что офицеры — члены „общества“, надев солдатские мундиры и заняв караулы при царе, арестуют его вместе с его спутниками, затем произведут возмущение всей дивизии, займут Бобруйскую крепость, двинутся на Москву, а тем временем произойдет восстание в Петербурге. Александр I не приехал в Бобруйск и потому С. Муравьеву-Апостолу не удалось начать желательного для него „действия“. К тому же его план вызвал резкое осуждение Пестеля и других членов „общества“, настаивавших на цареубийстве. Согласившись теперь на это, Муравьев-Апостол опять-таки составил вполне определенный план умерщвления Александра I, который, по слухам, должен был приехать в 1824 г. на смотр войск в лагере при мест. Белой Церкви. Он был составлен по образцу предшествующего и, подобно ему, отличался недостаточною продуманностью. Так, например, в цареубийцы намечались лица из разжалованных офицеров, мало известные руководителям „общества“. Им не только не сообщили о возлагавшемся на них поручении, но даже не удостоверились, насколько они пригодны к выполнению его.

И этот план Муравьева-Апостола рухнул по той же причине, как и первый: Александр I не приехал в Белую-Церковь. Однако, все же трудно объяснить, почему Муравьев-Апостол не подготовлял исполнителей задуманнного дела. Это тем более необъяснимо, что он был едва-ли не единственным членом „тайного общества“, понимавшим огромное значение пропаганды среди солдат.

Пропаганда велась им очень своеобразным способом. Он старался доказать доводами религии необходимость борьбы за свободу, вооруженного восстания и низвержения царской власти. С этой целью им была составлена небольшая прокламация, которая в форме вопросов и ответов излагала революционные идеи, подтверждая их ссылками на церковную литературу. Прокламация называлась „православный катехизис“. Она доказывала, что „русский народ и русское воинство потому несчастны, что цари похитили у них свободу“. Далее она утверждала, что долг христианина заключается в том, чтобы „низложить неправду и нечестие тиран-

ства и восстановить правление, сходное с законом божиим". Таким правлением прокламация признает то правление, где нет царей, которые, по ее словам, „прокляты от бога, как притеснители народа".

Вероятно, Муравьевым же была составлена и другая, гораздо более интересная, прокламация, появившаяся вскоре после упомянутого выше „бунта" семеновского полка и изложенная в форме обращения „семеновцев" к „преображенцам" (старейший гвардейский полк). Она настолько замечательна для того времени, что необходимо подробно ознакомиться с нею. Прокламация начинается выражением негодования на зверскую расправу над семеновцами и в особенности на то, что никто из начальствующих лиц и дворян не вступился за солдат, а, напротив, все поднялись на защиту „подлого тирана" (Шварца), „весь полк променяли на него". Далее указывается, что от царя нельзя ждать ничего другого, кроме того, что он заставит солдат „сдирать друг с друга кожу", или прикажет „пересечь самих себя кнутом". Объявляя, что „государь не кто иной, как сильный разбойник", прокламация укоряет солдат в том, что они терпят его и служат силою для его господства. „Бесчестно Российскому войску, говорится в прокламации, содержать своими силами государя-тирана... Честно истребить его и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу". Призывая к борьбе с царем, прокламация требует вместе с тем борьбы с дворянами, которых она также называет „тиранами". Она негодует на то „что люди всякого сословия подавлены дворянами, что в судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка, что законы изданы для грабежа судейского, что хлебопашцы угнетены податями, что крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю". Составитель прокламации удивляется „чудной слепоте народов", удивляется тому, что войско, защищая отечество от внешнего неприятеля, не борется с внутренними врагами, скрывающимися в лице царя и дворян.

В заключение прокламация призывает „определить вместо злодеев законоуправителя, который должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам"; „место

государя должны заступить законы, которые будут признаны полезными отечеством".

Другая прокламация, находившаяся в связи с только что разобранной, призывала солдат „единодушно арестовать всех начальников, чтобы тем прекратить вредную их власть и выбрать надлежащий комплект начальников из своего брата солдата".

Если составителем прокламаций был действительно Муравьев-Апостол, то это свидетельствует о его значительной революционности. Дворянское происхождение не удержало его от самого решительного призыва к борьбе с дворянством, от откровенного признания, что самодержавие является орудием дворянского господства. И по своему содержанию, и по изложению прокламация была вполне доступна солдатской массе. В этом отношении составитель ее действительно является редчайшим исключением среди офицеров того времени. Огромное большинство их было совсем оторвано от солдат. Если же некоторые из них пытались сблизиться с „нижним чином", то эти попытки принимали какую-то показную и нередко фальшивую форму: офицеры „по-семейному" обращались с солдатами, нюхали вместе с ними табак, целовали их, и т. д. Пропаганда же выражалась лишь в том, что на уроках офицеры давали солдатам писать такие слова, как „свобода", „равенство", „конституция", или имена заграничных революционных деятелей, о которых солдаты, конечно, никогда ничего даже и не слышали. Как видно, разница между такой „пропагандой" и Муравьевской агитацией была очень велика.

Порывистый и пылкий Муравьев-Апостол, представлявший, как сказано, во многих отношениях противоположность Пестелю, невольно отвлек от последнего симпатии некоторых членов, но не смог преодолеть его руководящего влияния. Поэтому, хотя в „южном обществе" наметились два течения и все яснее проявлялся разлад, однако, его деятельность направлялась все же Пестелем.

Эта деятельность выражалась не только в съездах, на которых, как сказано, обсуждались подробности будущего государственного устройства, планы революции и цареубийства. Она была направлена также к тому, чтобы завязать связи с другими противоправительственными организациями.

Так, сделано было не мало попыток связаться с „польским патриотическим обществом“. Оно было основано в 1821 году с целью достижения свободы и независимости Польши и имело довольно обширный район деятельности. Вступить в сношение с ним было довольно трудно. Его представители сдержанно относились к „ходокам“ из „южного общества“, не совсем охотно откликались на их призыв „искоренить взаимную нелюбовь двух наций (русских и поляков) и, повидимому, не вполне доверяли искренности их желаний возвратить Польше ее прежнюю независимость. Вероятно, они, с большим сомнением относились также и к силам „южного общества“.

После долгих переговоров было достигнуто известное соглашение. „Южное общество“ признавало независимость Польши, взамен чего Польское обещало ему содействие при начале революции. Соглашение не могло быть искренним, потому, что делегаты обеих сторон не стеснялись в вымысле, чтобы пустить пыль в глаза и показать товар лицом,—представить свои „общества“ необычайно мощными и обладающими какой-то таинственной организацией.

Еще более усилий делалось „южанами“ (т.-е. членами „южного общества“) для установления тесной связи с образовавшимся в Петербурге так называемым „Северным обществом“, о котором будет рассказано ниже. Мы увидим, что эти усилия также не привели к полному успеху.

Тесное единение установилось у „южан“ лишь с той организацией, которая именовалась „обществом соединенных славян“. Расскажем об этом „обществе“.

ГЛАВА IV.

Общество „соединенных славян“.

„Общество соединенных славян“ организовалось в 1823 г. Его составляли офицеры Пензенского полка и некоторых других военных, преимущественно артиллерийских, частей, размещенных неподалеку от расположения центров „южного общества“, армейских, а не гвардейских частей. В этих частях, особенно на низших офицерских должностях, не было, как в гвардии, выходцев из знатных богатейших дворянских семей. Зародышем, из которого развилось „общество соединенных

славян“, был маленький кружок самообразования, организованный двумя братьями-офицерами Борисовыми (Петром и Андреем). Правда, в своем зачаточном и в более расширенном виде этот кружок ставил себе также политическую цель — „потребовать“ от царя конституции и законности для устранения „разных несправедливостей и угнетений в империи“. Однако, эта политическая цель тонула в целом море задач самообразования и „самоусовершенствования“. Этот багаж был унаследован также „обществом соединенных славян“. „Правила“ (своего рода программа) были насыщены требованиями „добродетели“, „простоты“, „трезвости“, „скромности“, пламенной любви к „наукам, художествам и ремеслам“, защиты „невинности“, борьбы „с гордостью тирании“. Необычайно-торжественная и высокопарная клятва, приносимая вновь вступающими, также требовала неизменной „добродетели“ и непоколебимой верности целям „общества“. „Клятва“ усматривала эту цель в достижении „с мечом в руках“ „избавления от тиранства и возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому“.

Однако, помимо поднятия „нравственности“, „просвещения“ и „избавления от тиранства“, „общество“ ставило себе более определенные задачи. Заветною мечтою, объяснявшею и самое название „общества“, являлось освобождение всех славянских народов от самодержавной власти, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех населенных ими земель в огромную федеративную, т.-е. союзную, республику. В каждом государстве, входящем в союз, предполагалось ввести демократическое представительное правление (т.-е. республику, управляемую выборными от всего народа, а не от имущих классов) и предоставить ему независимость в составлении касающихся его законов. Для управления же делами всего Союза и для изменения, в случае надобности, основных законов, намечался „конгресс“, т.-е. общесоюзный съезд.

Стремясь к такой конечной цели „общество“ ставило своим членам и другие задачи. Каждый из них должен был „истреблять предрассудки, искоренять различие сословий и религиозную нетерпимость, собирать деньги на выкуп крепостных людей, заводить сельские и деревенские училища“. Некоторые из членов „общества“ вполне изжили религию

*

и стали безбожниками. Весьма характерно для „общества соединенных славян“, что в нем и только в нем из всех „декабристских“ организаций — был уставной пункт о членских взносах. Вполне естественно, что у богачей-гвардейцев такого вопроса о создании кассы не могло и возникнуть; другое дело, скромные армейцы, из которых многие жили только на свое жалованье.

Обсудим теперь интересы какого класса выражала программа „соединенных славян“. Она не была дворянской: „соединенные славяне“ были противниками сословных различий и стремились к тому, чтобы дворянство погибло вместе с царизмом. Нельзя назвать эту программу также крупно-буржуазной. Правда, „соединенные славяне“ придавали огромное значение „промышленности, отвращающей бедность и нищету“. Однако, они ставили себе целью „не делать людей богатыми“, а учить их приобретать достаток „посредством труда и бережливости“. Отсюда ясно, что их программа была мелко-буржуазной. Вместе с тем она являлась более демократической, т.-е. более близкой к широким народным массам, чем „Русская Правда“ Пестеля.

В пользу последнего мнения можно привести несколько доказательств. Во-первых, как было подробно рассказано выше, Пестель всеми силами клеймил федеративное устройство и настаивал на „неразделимости“ государства. Этим самым он, быть-может, невольно для самого себя, требовал создания объединенного обширного рынка, которым, вопреки даже его желанию, воспользовался бы капитал. Между тем „соединенные славяне“ в основу своей программы ставили именно „федеративное“ начало. Во-вторых, Пестель и „соединенные славяне“ совсем различно представляли себе характер предстоящей революции. Пестель, как было сказано, мыслил ее в виде военного восстания, руководимого только офицерами. „Соединенные славяне“ также понимали, что „свобода покупается не слезами, не золотом, а кровью“. Однако, они держались взгляда, что „никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целого народа“. Они говорили, что „хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия их опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы“. Вот почему „соединенные славяне“,

в отличие от „южан“, признавали необходимым вести пропаганду среди крестьян и солдат. При этом они считали, что к солдату следует подходить не как к малосознательному ребенку, а просто, без всяких обиняков и „педагогических приемов“. Вот как рассуждал один из „соединенных славян“: „от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с осторожностью объяснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно во все тайны „общества“, чтобы они сражались за осознанные ими собственные интересы.

По вопросу о характере пропаганды среди солдат расходился с „соединенными славянами“ даже тот единственный „южанин“, который вел ее, а именно С. Муравьев-Апостол. Он утверждал, будто не только бесполезно, но даже опасно открывать солдатам все цели „общества“, будто они не поймут выгод переворота, будто русский „простой“ народ „никогда не рассуждает“. По мнению Муравьева-Апостола, лучше всего действовать на русских солдат религией, доказывая им на основании церковной литературы богоугодность борьбы с царем. „Соединенные славяне“ горячо возражали против такого фальшивого подхода. Они указывали, что среди солдат—гораздо больше „вольнодумцев“, чем религиозно-настроенных, что о священниках и монахах солдаты держатся самого плохого мнения. Они говорили, что церковной литературой можно доказать и совсем противоположное, а именно необходимость повиновения царям, что, следовательно, муравьевский способ совсем не годится.

В общем „соединенные славяне“ ближе стояли к народу и лучше знали его, чем „южане“.

Бóльшая демократичность программы „соединенных славян“ по сравнению с программой „южного общества“ объясняется тем, что члены этих „обществ“ были из разной среды. „Соединенные славяне“ были именно мелкими армейскими офицерами, далекими от так называемых „высших кругов“, между тем как даже и среди „южан“ многие происходили из „родовитых“ дворянских фамилий, служили раньше в гвардии и поддерживали связи со столичной „знатью“.

Признавая программу „общества соединенных славян“ демократическою, нужно, однако, подчеркнуть, что она конечно, не была, да и не могла быть социалистическою, так как, при наличности крепостного права, в России не существо-

вало сколько-нибудь мощного пролетариата. Поэтому, при всем радикализме некоторых „соединенных славян“ их программа выливалась в мелко-буржуазную форму, подобную „Русской Правде“, но только с большим уклоном влево. Впрочем, среди „соединенных славян“ встречались также люди очень правого уклона. Так, например, один из них (Спиридов) противился даже полному освобождению крестьян, уничтожению сословий и стоял за ограничение прав евреев и за лишение национальных меньшинств участия в государственном управлении.

Несмотря на свои разногласия с „южанами“, главным образом, по вопросу о характере революции (военное или народное восстание) „соединенные славяне“ в сентябре 1825 г. вступили в самый тесный союз с ними.

Расскажем, почему и как это произошло.

К 1825 г. „общество соединенных славян“ значительно разрослось. Некоторые его члены выказывали стремление к энергичной политической деятельности и признавали нужным пересмотреть устав „общества“. Пересмотр был приурочен к лагерному сбору, назначенному на август близ местечка Лещина. В этом местечке стоял Черниговский полк, в котором служило несколько офицеров, переведенных сюда из Семеновского полка после его „бунта“. „Соединенные славяне“ стали присматриваться к этим офицерам и вообще к составу Черниговского полка и сперва догадались, а потом и узнали о существовании „южного общества“. Желая связаться с ним, они направили к Муравьеву-Апостолу и к Бестужеву-Рюмину своего посредника, который проговорился о существовании „общества соединенных славян“ и даже сообщил его устав и имена членов. Тогда Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, в свою очередь, всеми силами стали добиваться соединения с этим „обществом“ и начали энергичные переговоры сперва с отдельными его членами, а потом и с общим собранием их. При этом они держались такого же способа, как и при прежних переговорах с „польским обществом“: Бестужев всячески преувеличивал силы „южного общества“, совершенство его организации, утверждал, что в союзе с ним находится множество военных частей, и что переворот вполне подготовлен. Необходимость его он старался доказать, главным образом, ссылками

на „обиды, делаемые начальниками младшим офицерам“, на „несправедливости высших властей“ и проч.

„Соединенные славяне“ сначала отнеслись к словам Бестужева с недоверием. Однако, на следующем совещании он обворожил их пылкой вдохновенной речью, в которой перечислил „громкие“ фамилии людей, готовых умереть за благо отечества, обнадеживал помощью „польского общества“ и клялся, что освобожденная Россия освободит все славянские народы. Очарованные этою речью „соединенные славяне“ дали согласие на слияние своего общества с „южным“ путем преобразования его в одну из „управ“ последнего. Дальнейшие переговоры касались приведения этого в исполнение. При этих переговорах Бестужев старался еще больше поразить „соединенных славян“ всякими эффектами, свидетельствующими о революционности „южного общества“. Однако, вместе с тем он несколько смутил их своим пренебрежением к революции народной, которую он называл „революцией черни“, и противопоставлением ей военной революции, которая будто бы окажется бескровной. Равным образом Бестужев задел их тем, что требовал беспрекословного повиновения.

Впрочем, на заключительном собрании 12 сентября Бестужеву вновь удалось поднять общее настроение своею блестящей речью. В ней он указывал, что „век славы военной кончился, и что настало время освобождения народов от угнетающего их рабства“. Он говорил о бедственном положении России, при чем в первую очередь подчеркивал, что „торговля упала, а промышленности почти нет, и что войско ропщет“. В заключение он сказал, что „русская армия удерживает порывы всех народов; следовательно, коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют; великое дело совершится, и нас провозгласят героями века!“ Лишь одна обмолвка Бестужева неприятно резанула присутствующих. Именно он упомянул, что собравшихся здесь ожидает не одна славная смерть, но „почести и достоинства“.

Собрание закончилось при необычайном подъеме духа. Очевидец описывает его так: „Люди различных характеров, волнуемые различными страстями, помышляли только о том, как бы слиться в одно желание и составить одно целое; все

их мысли были заняты предприятием освобождения отечества; радость самоотвержения блистала на их лицах посреди всеобщего упоения". Расходились с криками: „да здравствует республика! да здравствует народ! да погибнет различие сословий!"

В лице „соединенных славян" „южное общество" приобрело многочисленную группу преданных революции товарищей, обладавших притом умением вести пропаганду среди солдат, которого именно не было у „южан". Далее именно из „соединенных славян" Бестужеву удалось выбрать 15 человек, которые дали клятву совершить цареубийство. Непонятно только, чем Бестужев руководствовался в своем выборе: намечены были отнюдь не самые активные, а, напротив, пожалуй, наиболее умеренные члены „общества".

Теперь оставалось решить последний вопрос — о времени начала революции. Некоторые „южане" настаивали на немедленном выступлении, доказывая, что в противном случае правительство, видимо, уже осведомленное о заговоре, перехватает их всех по одиночке. Однако, после горячих прений было решено отложить выступление до лета 1826 года, когда ожидался приезд Александра I на смотр. План переворота был такой: умерщвление Александра I, движение 3-го корпуса армии на Киев и Москву, занятие им Киева, одновременное восстание гвардии и флота в Петербурге.

Так было решено. Но события разыгрались иначе. В ноябре 1825 г. Александр I умер в гор. Таганроге. Как будет рассказано дальше, после его смерти началась полная неразбериха из-за престолонаследия. Воспользовавшись ею, в Петербурге произвело выступление так называемое „северное общество" наименее революционное из „тайных союзов" и страшившееся революции.

Прежде, чем рассказывать об этом выступлении, ознакомимся с составом, программою и деятельностью „северного общества".

ГЛАВА V.

„Северное общество".

Как уже упоминалось, в 1821 году было объявлено о закрытии „Союза благоденствия". Однако, и в Петербурге так же, как в Тульчине, некоторые члены закрытого „союза"

желали восстановления его, и в 1822 г. он возродился под названием „северного общества". Подобно „Союзу благоденствия" оно состояло, по большей части, из гвардейских офицеров, происходивших из богатой помещичьей среды. Его „правителем" (т.-е. председателем) был избран Никита Муравьев. Он составил „конституцию", с которой соглашались далеко не все члены „общества", но которая, однако, отражала их классовые интересы.

Эта конституция объявляет всех жителей России равными перед законом и отменяет сословия. Крепостное право уничтожается. „Освобожденным" крестьянам предоставляются в собственность их дома с огородами, их скот и земледельческие орудия. Что касается земли, то Муравьев первоначально предполагал оставить ее целиком за помещиками, а затем высказался за предоставление крестьянам по две десятины на двор. За всеми русскими (т.-е. жителями России) конституция признает свободу слова и печати, свободу религии и свободу всяких хозяйственных занятий (земледелия, скотоводства, охоты, рыбной ловли, ремесла, устройства заводов, торговли). Арест допускается только на основании законного постановления. Наказание может быть назначено лишь по приговору суда присяжных. Каждому предоставляется право образовывать всякие общества и товарищества, если только они не противозаконны. Право собственности объявляется „священным и неприкосновенным".

Эти права Никита Муравьев предполагал предоставить всем русским, за исключением кочующих племен. Однако, далеко не всех их он признавал „гражданами". Такое наименование присваивалось только тем, которые достигли двадцати одного года, имеют постоянное местожительство, исправно платят налоги и, главное, владеют имуществом. Одни только „граждане" пользуются политическими правами, заключающимися в праве избирать и быть избираемыми в депутаты или на должности. И чем больше у гражданина имущества, тем большие права предоставляются ему. Так, например, чтобы быть избираемым в депутаты законодательных учреждений или в начальники уезда, нужно владеть недвижимым имуществом на 30 000 рублей или движимым на 60 000 р.! Имевший недвижимости менее, чем на 500 р., или движимости менее чем на 1 000 р., вовсе не считается „гражданином". Кре-

стьяне, пользующиеся землей в общественном владении, также не являются „гражданами“.

Что касается государственного устройства, то конституция Никиты Муравьева представляет его федеративным. Именно предлагается разделить Россию на тринадцать „держав“ (составных частей) и еще две области, которые пользуются широким самоуправлением и имеют свои выборные учреждения, но объединяются общегосударственными учреждениями. Высшее из них называется „народным вечем“. Оно составляется из двух „палат“ (т.-е. советов), депутатами в которых являются богатейшие граждане, и обладает огромными правами. Только суд занимает самостоятельное положение. Конституция сохраняет царя, называя его „верховным чиновником российского правительства“ и признавая за ним не больше прав, чем имеет президент в республиках.

Нетрудно догадаться, чьи интересы выражала конституция Муравьева. Конечно, она была помещичьей программой. Это доказывается прежде всего тем, что она предлагала такое „освобождение“ крестьян, при котором они, вследствие малоземелья, оказались бы в кабале у помещиков. Им пришлось бы арендовывать у помещиков земли и дешево продавать им свой труд. Далее, помещики, как владельцы недвижимости, находились в более выгодном положении при пользовании избирательными правами, чем денежные капиталисты — владельцы движимости. Однако, конституция учитывала интересы не одних дворян-помещиков, но и других богатых слоев населения, иными словами, интересы крупной буржуазии. Это видно из того, что Муравьев не отстаивал чисто дворянских преимуществ, а предполагал установить такие „свободы“, „права“ и государственные учреждения, которые могли быть использованы вообще капиталистами. Следовательно, программу Никиты Муравьева можно назвать помещичье-буржуазной.

Такой характер программы не должен удивлять. Хотя члены „северного общества“ были сплошь дворянами, притом, в очень значительном числе из княжеских и графских фамилий, однако, многие из них были близки к капиталистам — не дворянам. Ведь развитие капитализма в России вовлекло дворян в занятия торговлей и промышленностью, в деловые

отношения с купеческим миром. Еще в период существования упомянутого раньше „союза спасения“ один из его членов очень близко принимал к сердцу интересы петербургского купечества и горько сетовал на городского голову, который будто бы „остановил все течение промышленности и торговли и делал неслыханные притеснения купечеству“. Что касается членов „северного общества“ то они, несомненно, вели близкое знакомство с некоторыми купцами и предпринимателями. Их роднили не только общие деловые интересы, но и то, что в купеческой среде также было распространено сильное недовольство правлением Александра I.

Ознакомившись с составом „северного общества“ и с его программой, можно наперед сказать, что его деятельность не могла быть революционной. Действительно, руководитель „северян“ Никита Муравьев занимался почти исключительно тем, что по нескольку раз переделывал свою „конституцию“, а затем читал и перечитывал ее на собраниях „общества“, навязывал ее всем. Эти собрания гораздо больше походили на заседания какого-нибудь ученого общества, чем на совещания заговорщиков.

Члены „южного общества“ знали об учреждении „северного“. Пестель и его товарищи понимали, какое огромное значение для успеха переворота имело бы превращение „северного общества“ в действительно революционную организацию, тесно связанную с „южным обществом“. Поэтому они прилагали все усилия к тому, чтобы революционизировать „северян“ и убедить их соединить оба общества. С этою целью Пестель держал в Петербурге двух доверенных лиц (Михаила Муравьева-Апостола и Поджио), задачей которых было расшевеливать „северян“, склонять их к принятию программы и планов „южан“. Не довольствуясь этим, он неоднократно посылал в Петербург специальных „ходоков“ из активных „южан“ для переговоров, увещаний и для передачи писем.

Однако, эти старания не давали почти никаких результатов, „ходоки“ с тоскою сообщали Пестелю, что „северяне умствуют и ничего не делают“, что все их занятия сводятся к книжному обсуждению всяких тонкостей конституции, что у них нет никакого плана „действия“. Лишь некоторые второстепенные члены „северного общества“ поддавались

воздействию „ходоков“, а наиболее видные продолжали оставаться под влиянием Никиты Муравьева. Сам он, все еще возившийся со своею „конституциею“, сперва просто отмахивался от „ходоков“; он уверял их, что с гвардейскими офицерами ничего не предпримешь, что они „только думают, как на балах веселиться“, а не о работе в „обществе“. Чтобы отвязаться от настойчивых убеждений, он либо давал неопределенные обещания „действовать пропагандой“, либо переводил разговор на свою конституцию. Когда же из письма Пестеля Никита Муравьев узнал, что „южане“ замыслили установление республики посредством военной революции, в план которой входит истребление всей царской семьи, то он так перетрусил, что даже воскликнул: „Они там восстанут, а меня засадит полиция!“ Да и некоторые другие главари „северного общества“ говорили, что „южная управа с ума сошла: сама не знает, что затевает“; у многих „северян“ было очень враждебное отношение к Пестелю. Они называли его человеком „вредным, себялюбивым и опасным“. Особенно боялись они, что Пестель самостоятельно организует в Петербурге ячейку „южного общества“, что он произведет пугавшую их революцию. Этот страх побудил Н. Муравьева даже несколько оживить деятельность „северного общества“, чтобы этим помешать „южанам“ отвлечь от него некоторых членов. Но это оживление вылилось лишь во внешнюю реорганизацию „общества“ и в привлечение к руководству им, в дополнение к Н. Муравьеву, еще двух лиц—кн. Оболенского и кн. Трубецкого, из которых только первый сочувствовал „южному обществу“, а второй был нерешительным, неустойчивым человеком, ненавидевшим Пестеля.

Вследствие безуспешности всех попыток „южных ходоков“ добиться соединения „обществ“, Пестель решил сам приняться за это дело и в конце 1824 года приехал в Петербург. Он повел переговоры с большим искусством, умело подходя к своим собеседникам, ловко приспособляясь к ним и выражая готовность на большие уступки. Сначала он достиг желанного результата: на собрании руководителей „северян“ было вынесено постановление слить оба „общества“ в одно. Однако, это решение было принято в отсутствие Никиты Муравьева. Как только последний узнал о нем, он приложил все усилия, чтобы сорвать слияние.

Выдвинуты были все разногласия между „южным“ и „северным“ „обществами“. Их оказалось немало: большие возражения вызвала пестелевская национализация земли; далеко не все „северяне“ соглашались на истребление царской семьи; далеко не все они одобряли диктатуру временного правительства после переворота, на чем настаивал Пестель; некоторые отвергали республиканскую форму правления, предпочитая ей монархическую конституцию Никиты Муравьева; очень многие осуждали Пестеля за те уступки, которые он хотел сделать Польше; наконец, противились его стремлению, в случае соединения „обществ“, организовать особое „правление“ с неограниченною властью. В результате этих разногласий прежнее решение о соединении „обществ“ было пересмотрено и, взамен его, принято постановление о том, что оба „общества“ должны оставаться самостоятельными, но ни одно не начнет „решительных действий“ без согласия другого.

Но и после такого постановления общего собрания Пестель пытался воздействовать на отдельных „северян“. Лишь убедившись в полной бесплодности этого, он сделал то, чего так опасались „северяне“, а именно организовал в Петербурге ячейку „южного общества“. Однако, она оказалась очень слабой. В свою очередь, Трубецкой перевелся на службу в Киев, чтобы, находясь в районе деятельности „южного общества“, „наблюдать“ за Пестелем и „отрывать“ от него некоторых активных товарищей. Конечно, это еще более усилило тот разлад среди „южан“, о котором уже упоминалось.

Сам Пестель, удрученный неудачей петербургских переговоров, впал в какое-то бездействие, зато „северное общество“ оживилось благодаря деятельности Рылеева, который был вдохновлен к ней именно своими беседами с Пестелем во время его пребывания в Петербурге.

Отставной военный Рылеев служил секретарем Русско-Американской торговой палаты и по этой должности имел крепкие связи с купеческим миром. Широкою же известностью он пользовался, как видный поэт-общественник, воспевавший свободу и ненависть к тиранам. Вступив в „северное общество“, он приобрел горячую любовь своих товарищей и очень быстро выдвинулся. Его избрали заместителем переведшегося в Киев Трубецкого. После отъезда Никиты

Муравьева он сделался настоящим руководителем „общества“, потому что ни сменивший Муравьева Александр Бестужев, ни Оболенский (третий руководитель, еще из прежнего состава) не притязали на влияние. Рылеев по своему характеру представлял полную противоположность Никите Муравьеву. Последний, видевший все спасение в своей „знаменитой“ конституции, всячески удерживал товарищей от революции. Пылкий поэт-мечтатель Рылеев, совсем не умевший разбираться в конституциях, усиленно толкал к революционной деятельности. Однако, результата от этого не было никакого. Во-первых, Рылеев был настолько несознателен в политических вопросах, что все не мог решить, какая форма правления лучше, республика или конституционная (т.-е. ограниченная) монархия. Во-вторых, стремясь все время „действовать“, он не имел никакого плана „действий“. В-третьих, призывая к самым энергичным выступлениям, он смертельно пугался, как только они готовы были принять осязательную форму. Это особенно ярко проявилось в его отношениях к истреблению царской семьи. После некоторых сомнений он проникся этим планом и постоянно говорил с близкими о необходимости его выполнения. Однако, когда в Петербург явился обиженный царем офицер Якубович и в присутствии Рылеева стал клясться, что считает цареубийство целью своей жизни, и требовал, чтобы его немедленно послали на это, Рылеев чуть не на коленях умолял его отказаться от такого намерения и готов был даже донести на него правительству. То же самое повторилось еще один раз. Среди многочисленных друзей Рылеева был угрюмый, озлобленный, не дороживший жизнью Каховский. Рылеев считал его „отверженным лицом“, т.-е. таким человеком, которому нечего терять, и предназначил его в цареубийцы. А когда Каховский стал настаивать на назначении срока для совершения покушения, Рылеев принялся отговаривать его, твердил, что этим покушением он погубит и его самого, и его семью, и все „общество“, и взял с Каховского слово отложить цареубийство. Впрочем, несколько времени спустя, роли переменились. Рылеев снова стал склонять к цареубийству Каховского, но на этот раз последний оскорбился тем, что его хотят использовать как „кинжал“, как „орудие убийства“, и отказывался от такого

поручения. Некоторые историки объясняют непоследовательность Рылеева в вопросе о цареубийстве тем обстоятельством, что он считал „северное общество“ еще слишком слабым и неподготовленным к революции, а потому боялся совершения цареубийства, которое послужило бы сигналом к ней.

Но что же сделал Рылеев для усиления „общества“? Правда, он принял в него не малое количество членов, однако, среди них не было сколько-нибудь активных деятелей. Далее, он связался с небольшим кружком революционно настроенных морских офицеров. Этот кружок, по своей программе, походил на „союз благоденствия“. Моряки много говорили о „нравственности“ и „непорочности“, но вместе с тем мечтали о превращении России в федеративную республику, надеясь, что тогда в ней процветет **торговля и промышленность**. Связь с морскими офицерами была очень важна, так как в план заговора входил, между прочим, захват Кронштадта. Однако, кружок моряков был малочисленным, да к тому же с одним из его главарей Рылеев перессорился. Как видно, итог „кипучей деятельности“ Рылеева был не велик.

Между тем из Киева вернулся Трубецкой, который, как упоминалось, „наблюдал“ за „южным обществом“. Наблюдал он, однако, очень плохо.

Осенью 1825 г. там был полный „разлад“ и нытье всех главарей. Давно таившаяся неприязнь к властному Пестелю очень усилилась. От него отшатнулись даже некоторые очень близкие друзья, например, Мих. Муравьев и Поджио, бывшие когда-то его доверенными в Петербурге. Первый из них, по его собственным словам, был „в большом омерзении насчет общества“; второй не только стал врагом Пестеля, но и находил, что „дело наше (т.-е. революция) и сверх сил, и времени, и всякого вероятия“. Серг. Муравьев-Апостол, не порывая открыто с Пестелем, держался, однако, очень независимо и строил самостоятельные планы. Наконец, сам Пестель впал в какое-то бездействие, терзался сомнениями. Порой в минуты малодушия у него мелькало даже намерение принести повинную правительству и открыть ему существование „общества“.

При такой расшатанности ядра „южное общество“ было, конечно, слабым, хотя „сочувствующих“ ему имелось очень

много среди офицеров и даже генералов стоявшего невдалеке от Киева 3-го корпуса. Вот эта-то многочисленность сочувствующих и ввела в заблуждение Трубецкого. Он уверял своих товарищей в Петербурге, что в распоряжении „южан“ два целых корпуса (т.-е. около 100 тысяч штыков), что через посредство бывших „семеновцев“ распропагандированы даже солдаты, что слияние с „соединенными славянами“ и с „польским обществом“ необычайно усилило „южан“, что последние с минуты на минуту готовы восстать...

Эти сообщения Трубецкого ставили перед „северным обществом“ вплотную вопрос о выступлении. А между тем здесь была не меньшая расшатанность, чем на юге. Ближайшие сотрудники Рылеева — Ал. Бестужев и Оболенский совсем опустили руки. Бестужев, по его признанию, находился, „в полной уверенности, что в обществе ничего быть не может“, а втайне мечтал о том, как бы совсем уклониться от него. Оболенского одолевали сомнения. Он спрашивал себя: „имеем ли мы право, как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения, предпринимать государственный переворот“ и навязывать свои взгляды? Вечно колебавшийся и тяготившийся положением заговорщика Трубецкой осторожно подготовлял себе путь к отступлению. Каховский превратился в „ходячую оппозицию“ (т.-е. по всем вопросам возражал Рылееву). Рядовые члены „общества“ имели много пыла, но никакого определенного плана. Ясно, что Рылеев приходил к безнадежному выводу: „наши дела, говорил он, в таком плохом положении, что мы ни на какое решительное действие не готовы по своей слабости“. А между тем именно тогда наступил момент для „действия“...

ГЛАВА VI.

Декабрьское выступление.

27-го ноября 1825 г. в Петербург пришло известие о смерти Александра I в Таганроге. Сыновей у него не было, и, по тогдашним законам, его наследником считался его следующий брат Константин, находившийся в то время в Польше. Однако, у него была столь печальная слава, и за ним числились такие „дела“, что ни Александр I, ни он сам не допускали возможности его воцарения. Вот почему еще за несколько

лет до смерти Александра он письменно отрекся от своих „прав" на престол в пользу следующего брата Николая. Соответственно этому был даже составлен манифест об отречении Константина и о назначении наследником Николая. О составлении его знал самый тесный кружок лиц. Даже Константин и Николай не были точно осведомлены о нем и могли только догадываться о его существовании. Манифест и копии с него были положены на хранение в запечатанных конвертах с надписью Александра I: „хранить до моего востребования, а в случае моей смерти раскрыть прежде всякого другого действия".

Александр I не объяснял своим близким, почему он оставил манифест не обнародованным. Однако, можно угадать причину этого. Намеченный наследник Николай пользовался не менее печальною славою, чем Константин, но только по несколько иным основаниям: именно, он был известен как грубый и невежественный фронтовик аракчеевского типа, помешанный на военной муштровке, ненавидевший интеллигенцию. Объявить его наследником значило сделать вызов либеральному гвардейскому офицерству, не терпевшему его, и ускорить революционное выступление, о подготовке которого Александр I несомненно знал. С другой стороны, неопределенность вопроса о престолонаследии предохраняла до известной степени Александра I от „домашнего" дворцового переворота: ведь, он должен был отлично помнить, как некогда он сам, будучи „законным" наследником престола, давал согласие на свержение с престола своего отца. Итак, для придворных кругов вопрос о престолонаследии оставался невыясненным, а широкая публика продолжала считать наследником Константина.

Константин узнал о смерти своего старшего брата еще 25 ноября, так как курьер из Таганрога (где умер Александр I) успел прискакать в Варшаву (где находился Константин) раньше, чем курьер, посланный в Петербург (где пребывал Николай). Получив извещение о смерти Александра I и признавая себя связанным своим прежним отречением, Константин составил письмо Николаю, в котором напоминал об этом отречении и просил его принять власть. Это письмо было послано с курьером в Петербург. Но не успел курьер прибыть туда, как 27 ноября Николай получил уведомление

из Таганрога о смерти Александра I. Таинственный конверт с манифестом был вскрыт, но это мало помогло. От одного из виднейших генералов Николай выслушал то, что, конечно, знал и сам, а именно, что гвардия его „не любит". При такой „не любви" для Николая было очень рискованно принимать власть, не имея вторичного отречения Константина уже в качестве императора. Ведь противники воцарения Николая при желании могли сослаться на то, что не обнародованному манифесту не следует придавать значения.

Вот почему Николай присягнул на подданство Константину, как императору, и распорядился о приведении к присяге ему войска и всего населения. Об этом было послано извещение Константину в Варшаву в надежде, что он отречется уже как император. Вместе с тем Николай просил его приехать в Петербург для выяснения дела. Однако, Константин уклонился, как от того, так и от другого. Очевидно, втайне у него блеснула надежда открыть себе возможность вступления на престол. Ведь, если гвардия станет настаивать на его воцарении после того, как его прежнее отречение будет известно, то такое настояние можно истолковать как своего рода „избрание", освобождающее его от отречения. Поэтому Константин и теперь так же, как и при уведомлении о смерти Александра, но только в резкой форме, ответил Николаю лишь напоминанием о своем прежнем отречении от наследования престолом, а не определенным отречением от императорской власти.

Николай не стал дожидаться более ясного ответа. Дело в том, что 12 декабря ст. ст. он получил из Таганрога подробные сведения о намерениях „тайных обществ", но с указанием лишь некоторых фамилий их членов. Они почерпнуты были из бумаг, оставшихся после Александра I, среди которых оказался донос нескольких предателей из членов „обществ", в том числе унтер-офицера Шервуда. Александр I почему-то не дал хода этому делу, но Николая полученные сведения привели в „ужас". Да, кроме того, к этому времени он разными обещаниями и наградами успел несколько побороть „нелюбовь" гвардии, по крайней мере, ее высшего командного состава, и чувствовал себя уже прочнее. Вот почему был составлен манифест о вступлении на престол Николая, и на 14 декабря ст. стиля назначалось новое

приведение к присяге уже на подданство ему. Николай догадывался, что члены „тайных обществ“ могут использовать для своих целей затяжку „двоецарствия“, при котором в Петербурге, Москве и других городах императором признавали Константина, а в Варшаве и ее окрестностях—его—Николая.

Догадки Николая не лишены были оснований. В момент смерти Александра I члены „северного общества“ чувствовали себя настолько неподготовленными к выступлению, что вместе со всем столичным населением покорно присягнули Константину. Они утешали себя тем, что окажут содействие „южанам“, если те восстанут. Или же надеялись, что в течение двух ближайших лет им удастся заместить все ответственные должности в гвардии „сочувствующими“ „обществу“, чтобы тогда произвести военную революцию. Однако, слухи об отречении Константина заставили их встрепенуться. Воцарение Николая, по мнению „северян“, грозило гибелью прежде всего им самим, так как его отношение к членам тайных обществ было достаточно известно. Некоторые из них считали свою участь решенной с минуты вступления его на престол и готовы были даже сожалеть о смерти Александра I. Нужно было попытаться не допустить Николая к престолу. Высказывалось предложение произвести „смуту“ в войсках слухами, будто Константина насильно устраняют от престола, и будто приверженцы Николая скрывают завещание умершего царя о сокращении службы солдат, об отмене крепостного права и о политических преобразованиях. На квартире Рылеева члены „северного общества“ стали устраивать „каждодневные и решительные совещания“, обсуждая, как им действовать дальше. На этих совещаниях вполне обнаружилось, что „северяне“ не имеют ни общего плана, ни единодушия между собою, ни ясного представления о тех силах, которыми могут располагать они.

Планов было предложено несколько. Так, например, Трубецкой предлагал внушить солдатам отказаться от присяги Николаю, собрать их где-нибудь за городом, чтобы в столице не нарушалось спокойствие, и ждать или приезда Константина, или дальнейших мер правительства. Трубецкой надеялся, что, если отказавшихся от присяги будет много, то правительство не решится действовать силою, а пойдет

на уступки в конституционном духе. План Рылеева несколько отличался от этого: он предполагал собрать войска на Сенатской площади, распустить слух, будто в Сенате хранится духовное завещание умершего царя, в котором срок службы нижних чинов ограничивается десятью годами и требовать от Сената издания манифеста с объявлением: об уничтожении самодержавия и учреждении временного правительства, о свободе печати, освобожаении крестьян, о равенстве всех перед законом, о свободе промышленности и ремесл, об отмене подушной подати и военных поселений, о сокращении срока солдатской службы и введении всеобщей воинской повинности, о преобразовании местного управления и об установлении гласного суда присяжных.

Высказывались и другие планы. Якубович, например, предлагал разбить кабаки, дать солдатам напиться, призвать их к грабежу и затем направить на дворец. Выдвинут был также план Никиты Муравьева. Конечно, в первую очередь он ставил пропагандирование своей „спасительной“ конституции, а затем „возмущение“ войска и изгнание царской семьи, если она не согласится на конституцию. Во время обсуждения планов очень много говорилось об убиении Николая и Константина. Некоторые „северяне“ горячо высказывались за это, предлагали разные способы, торжественно благословляли Каховского на цареубийство, но в заключение и тут не выработали определенного плана действия, полагая, что это произойдет как-то само-собой.

Насколько разнообразны были планы, настолько же противоречивы были и мнения „северян“ в своих силах. То они надеялись, что в их распоряжении окажется достаточное количество солдат всех родов оружия, то ручались только за две роты Московского полка и батальон лейб-гренадеров, то сомневались и в последних. От надежд, что победа достанется легко, даже без пролития крови, они переходили к сомнениям, а некоторые были даже вполне уверены, что выступление окончится полной неудачей, и тем не менее обнадеживали других. Вообще, по утверждению многих членов общества, дело не обходилось без взаимного морочения: так, например, Каховский утверждал впоследствии, что главари „общества“ скрывали истинное положение дел от рядовых членов и относились к последним, как к баранам, которых

можно гнать куда угодно. Особенно странно вел себя Трубецкой, который, как старший по чину, избран был в „диктаторы“. Он малодушничал и противоречил себе на каждом шагу: то уверял, что для начала восстания достаточно одного полка, то утверждал, что „это—пустое дело, из которого ничего не выйдет, кроме погибели“. Больше же всего он боялся, что артиллерия будет палить. На Рылеева также находили приступы безнадежности, предчувствия обреченности на смерть. Но он старался ободрить себя словом „дерзай“ и мечтами о красоте „смерти за свободу“. К тому же и трудно было отказаться от выступления, так как знали, что правительство уже осведомлено о заговоре, и многие члены общества предпочитали риск ожиданию неминуемого ареста.

После долгого обмена мнений руководители „общества“ пришли только к следующему выводу: побудить солдат разными уговорами отказаться от присяги Николаю и вывести их для демонстрации на Сенатскую площадь в надежде, что к ним присоединятся все недовольные существующими порядками. Все дальнейшее „северяне“ представляли себе лишь в самых туманных и неопределенных очертаниях. Как видно, главари „северного общества“ остановились именно на военной демонстрации. Ясно, что революция пугала их.

Наступило 14 декабря—день, назначенный для привода к присяге.

Правительство, извещенное доносчиками о намерении „северян“ приурочить выступление ко времени принесения присяги, распорядилось приводить к ней войска не одновременно, а поочередно. Этим оно надеялось рассеять силы своих противников. Почти все полки принесли присягу. Отказались от нее несколько рот Московского полка, часть гренадеров и гвардейский экипаж (моряки). В казармах Московского полка особенно энергично агитировал Ал. Бестужев, выдававший себя за адъютанта Константина, а также Щепин-Ростовский, зарубивший двух генералов и ранивший полковника, которые пытались „успокаивать“ солдат. Возбужденные Бестужевым и Щепиным, „московцы“ двинулись на Сенатскую площадь и около 10 часов утра остановились в выжидательном положении невдалеке от памятника Петру I. Рылеев, находившийся на площади, скоро удалился оттуда

под тем предлогом, что ему необходимо ехать поднимать другие полки. Якубович также довольно скоро ушел, сославшись на нездоровье. „Диктатор“ Трубецкой окончательно растерялся, и то ходил по своим знакомым, читая манифест о вступлении на престол Николая I, то сидел в здании главного штаба „в большом унынии и страхе“. С „московцами“ оставались Оболенский, двое Бестужевых, Каховский да еще несколько второстепенных членов „общества“, притом „фрачных“, т.-е. невоенных. Никто из них не знал, что предпринять. Солдаты стояли в недоумении и кричали: „ура! Константин! ура! конституция“ (не совсем понимая это слово). „Бравый“ генерал Милорадович пытался было „образумить“ „московцев отеческими увещаниями“. Но его попытка не имела ни малейшего успеха и дорого обошлась ему: Оболенский ранил его штыком, а Каховский нанес ему смертельную рану из пистолета.

Тогда к площади стали стягивать войска, присягнувшие Николаю. Однако, положиться на них правительство отнюдь не могло: значительная часть их сочувствовала „московцам“; некоторые полки выражали явное нежелание действовать против них. Сверх того, площадь запружалась огромной толпой. По словам одного очевидца, сюда стекался „весь Петербург“. Были здесь и рабочие с постройки Исаакиевского собора. Николаевским генералам эта толпа представлялась „буйной чернью“. Ее настроение было явно противоправительственным. Правительство выказывало растерянность. Еще несколько раз делались попытки „увещания“ „московцев“. С такими увещаниями подъезжали и подходили к ним и генералы и разные добровольцы, но должны были сейчас же удаляться. Они получали в лучшем для себя случае резкую отповедь, в худшем—угрозу пистолетом или штыком. Кое-кто из „увещателей“ был даже ранен, кое-кто избит. Не помогли и уговоры митрополита Серафима и младшего брата Николая—Михаила. Серафима отчитали и просили убираться, а на Михаила наведен был пистолет.

Сам Николай I сперва пытался бодриться и пускал „эффекты“. Так, например, утром он вышел из дворца к толпе и стал сам читать ей манифест и беседовать с нею; своего семилетнего сына-наследника он торжественно „отдал под

охрану" „преображенцев". Но, когда он заметил ненадежное настроение присягнувших ему полков, когда рабочие из-за ограды Исаакиевского собора стали кидать в него поленьями, он начал метаться на лошади, то туда, то сюда; требовал один полк за другим; делал распоряжения о заготовке экипажей для вывоза своей семьи из Петербурга.

Замешательство еще больше усилилось, когда не удались атаки на „московцев", произведенные, по команде Николая, конногвардейцами. Не удались они не только из-за гололедицы и не только потому, что с крыши сената бросали поленьями в конногвардейцев, но и потому, что сами они пошли в атаку неохотно. „Московцы" стали отстреливаться и ранили несколько конногвардейцев, но Бестужев приказал прекратить стрельбу.

Как видно, положение создавалось далеко не безнадежное для противников Николая: толпа и значительная часть войск была на их стороне, правительство было в замешательстве. Достаточно было бы хоть какого-нибудь руководства, хоть одного энергичного шага, и могла бы произойти действительная революция. Но вместо этого шла, как выразился впоследствии один из декабристов, „игра в поддавки": и у руководителей движения была еще бо̀льшая растерянность, чем у правительства. Вот почему не была использована ни одна возможность для успеха. Так, например, восставшие лейб-гренадеры прошли через крепость — и не захватили ее; проникли во двор дворца, где находился весь состав правительства, и... вышли оттуда; могли захватить пушки, и не сделали этого; повстречались с Николаем, и промаршировали мимо; приблизились к „московцам" и просто встали рядом с ними. Тут же стояли и моряки гвардейского экипажа. Приходили сюда также депутаты от учащихся I кадетского и морского корпусов с предложением своих услуг „московцам", но их предложение было отклонено. „Московцы" и их товарищи по демонстрации беспомощно, и дрожа от холода, стояли на месте, а руководители движения приходили все в бо̀льшее смятение. Многие из них заботились теперь лишь об облегчении будущей своей участи, а не о судьбе солдат, выведенных ими на площадь и ждавших целый день их указаний. Все „планы" были забыты. Так, например, Якубович, встретив-

шись с Николаем I, не сделал никакой попытки исполнить своей торжественной клятвы. Вообще никто не проявлял активности.

Под вечер Николай I решился пустить в ход артиллерию. Первый залп дан был по крыше сената в сидевших там, следующие — в демонстрантов. „Московцы" и их сотоварищи дрогнули под картечными залпами и бросились к Неве. Бестужев пытался выстроить рассеявшихся на Неве солдат, чтобы вести их к крепости. Но от выстрелов во льду образовалась полынья, и многие солдаты утонули. Остальные, успевшие убежать на Васильевский остров, были вскоре схвачены. Общее число жертв декабрьской демонстрации в точности неизвестно. По официальным сведениям их было около 80; на самом деле — гораздо больше, так как далеко не все утонувшие были приведены в известность, да и убитых было очень много.

Вечером город имел вид военного лагеря: костры, часовые, оклики проходящих, оклики часовых, пирамиды из ружей, пушки, обращенные жерлами во все отходящие от дворца улицы, казачьи патрули... и тела убитых, которых бросали в море или топили в прорубях в Неве. Туда же спускали и многих раненых, исполняя царский приказ об „очищении" города.

Итак, руководители „северян", имев возможность произвести революцию, не сделали этого. На первый взгляд это — загадочно. Г. В. Плеханов, задумываясь над нецелесообразностью действий главарей движения, высказывает предположение, что они, не надеясь с самого начала на успех, „решили погибнуть, чтобы своей гибелью указать путь будущим поколениям". Возможно, что некоторые действительно думали так. Но основная причина растерянности главарей заключалась в том, что при создавшихся условиях революция могла иметь успех лишь при участии в ней народной массы, т.-е. той толпы, которую николаевские генералы называли „чернью". А такая революция пугала руководителей „северного общества". Ведь по своему социальному положению и по своей программе они не так уже отличались от генералов, поддерживавших Николая. Последние были представителями земельной знати, крупного землевладения. Программа „северян", как сказано выше,

была „помещичье-буржуазной“, а их тактика, за некоторыми исключениями, не революционной. Вот почему в роковой день 14 декабря одни из „северян“ переметнулись в лагерь Николая, другие — остановились в нерешительности и бездействии и „простояли“ революцию.

В „южном обществе“, состав которого, особенно после слияния с „соединенными славянами“, был менее помещичьим, и программа которого была более демократической, события разыгрались иначе. Правда, и здесь ближайшим толчком к выступлению было отчаяние, сознание безвыходности положения. Вследствие доноса своего однополчанина (Майбороды) Пестель и некоторые другие видные „южане“ были арестованы еще 14 декабря. Жандармы гнались также и за Сергеем Муравьевым - Апостолом и настигли его вечером 28-го декабря. Он был арестован, но его тотчас же освободили подоспевшие „соединенные славяне“. Оказавшись на свободе, имея в своем распоряжении нескольких революционно - настроенных офицеров и горячо преданных солдат Черниговского полка, Сергей Муравьев-Апостол понимал, однако, безнадежность положения. Ведь горсть людей не могла рассчитывать на успех в борьбе с силами, имевшимися в распоряжении правительства. Тем не менее Муравьев решился на вооруженное восстание. Он надеялся, что восстание на юге отвлечет внимание правительства от „северян“ и тем хоть несколько облегчит грозившую им кару. К тому же мелькала надежда пробиться к Житомиру, к расположению 8-ой пехотной дивизии. Там служило несколько членов „общества“, и среди солдат было много бывших „семеновцев“. Обещали поддержку также офицеры артиллерийской бригады.

Восстание началось успешно: около Василькова с „черниговцами“ побратались выставленные против них стрелки. Васильков был взят, освобождены некоторые находившиеся там под арестом „южане“, и 31 декабря „черниговцы“ в пополненном составе двинулись дальше по пути к Житомиру. Три дня восставшие не встречали сопротивления, но 3 января ст. стиля 1826 года им преградил путь кавалерийский отряд с конно-артиллерийскою ротою. На „черниговцев“ были направлены пушки, открылась пальба

картечью, несколько солдат пало. Чтобы предотвратить гибель остальных, Сергей Муравьев-Апостол приказал им сложить оружие и просил у них прощения за то, что обманул их, возбудив у них надежду на успех. Брат Сергея Муравьева-Апостола — Ипполит тут же застрелился. Остальные офицеры вместе с раненым Сергеем Муравьевым были арестованы; один из них (Кузьмин), простившись с товарищами, также застрелился.

Таким образом движение на юге вылилось не в демонстрацию, а в вооруженное восстание, хотя и обреченное на неминуемую неудачу.

Правительство Николая I торжествовало легкую победу своих пушек над „северянами“ и „южанами“ и жадно хватало „мятежников“. Находились, впрочем, такие „добровольцы“, которые сами спешили вести к царю своих „мятежных“ родственников, не дожидаясь приказа об их аресте.

ГЛАВА VII.

Расправа над декабристами.

„Мятежников“, в том числе и солдат, захваченных после подавления „смуты“ (так называло правительство декабрьские выступления), заключили в крепость. Все казематы ее были наполнены арестованными, взятыми в Петербурге и привезенными из других мест. С солдатами правительство совсем не церемонилось: оно признало их „впавшими в заблуждение“, действовавшими несознательно и отправило их на Кавказ „для искупления заблуждений в битвах с горцами“, т.-е. послало их на убой в сражениях или на смерть от болезней. Зато оно специализировалось на допросе офицеров и штатских лиц, причастных к движению или просто осведомленных об „обществах“. Участие солдат в движении правительство старательно замалчивало, чтобы тем не подать другим „дурного“ примера, чтобы не возбудить сочувствия к тем преступникам из „господ“, которым церковь во всеуслышание объявляла анафему по всей России (во все церкви было разослано особенное молебное благодарственное служение).

Главным, самым ретивым, самым искусным следователем и сыщиком был царь. В этом отношении он выказал себя

настоящим артистом. С неутомимостью, с упоением и восторгом он производил непрерывные допросы, старался вывернуть душу допрашиваемого, проникнуть во все тайники его мыслей. Чтобы достигнуть этого, он к каждому допрашиваемому подходил с особым приемом, приспособляясь к его характеру, для каждого надевал на себя особую личину. На одних он действовал наскоком, с другими заводил разговор с осторожностью, издалека. Одних пугал ужасными карами, призраком смерти, других обнадеживал помилованием; очаровывал „благоволением", приветливостью и „великодушием". При допросе одних играл на их самолюбии, взывал к чести и благородству, при допросе других обращался к их „патриотизму" и изображал собою „гражданина", страдающего душой за родину, стремящегося к широким преобразованиям, разделяющего программу „тайных обществ"; третьих — старался обворожить заботами об их семьях и т. д. Такие тонкие способы воздействия „на душу" давали „царственному следователю" великолепный результат: так и сыпались признания, выражения раскаяния, указания соумышленников, оговоры товарищей.

Так, например, чувствительный Рылеев был настолько растроган „либеральными" разговорами Николая и царской помощью, оказанной его нуждавшейся семье, что признал „долгом совести и гражданина" донести о существовании „южного общества". В письмах к жене он писал о своей готовности „умереть за царя". Это писал Рылеев, который накануне 14 декабря так искренно говорил о своем решении „умереть за свободу!" Полноту признаний Оболенского Николай купил ценою передачи ему в крепость письма его отца. На Трубецкого царь сразу наскочил с угрозой неминуемой смерти, потом поманил его надеждой на помилование, и Трубецкой рассыпался в признаниях и всяких оговорах. Другого члена „общества" (Глинку), трепетавшего за жизнь так же, как Трубецкой, Николай завоевал тем, что с самого начала просил его быть совершенно спокойным за свою судьбу.

Особенно сложные и мучительные переживания испытал Каховский, в свое время так страстно мечтавший о цареубийстве. У этого угрюмого „обреченного" человека оказалось необычайно чувствительное, доверчивое сердце и пылкая

фантазия. Николай угадал это и принял соответствующую позу: он предстал перед Каховским в роли царя—„гражданина“, вызвал его на разговор о неустройстве России, делал вид, будто плачет, выслушивая правду о ее бедствиях, притворялся, будто готов уврачевать все ее язвы и стать „первым гражданином государства“. Притворная гражданственность царя да еще вдобавок „ласка“, выразившаяся в том, что он принял на свой счет содержание Каховского в крепости на улучшенном режиме, совершенно очаровали этого одинокого человека. На другой же день он писал Николаю, что „полюбил его как человека и всем сердцем желает полюбить как царя, отца отечества“. Каховский стал забрасывать Николая письмами, представлявшими собою целые политические сочинения. В них подробно описывались все те отрицательные черты русского строя, которые толкнули офицеров к организации „тайных обществ“. Характерно, что Каховский уделял много внимания „налогам, разрушающим капитал, стеснениям торговли, вреду казенных монополий, расстройству финансов и т. д. В отличие от многих других, привлеченных к допросу декабристов, Каховский не запятнал себя холопством: он не молил о даровании ему прощения, не молил об освобождении, говорил, что и в цепях он будет чувствовать себя свободным. Он откровенно и резко осуждал Николая за его пристастие к военной муштровке, беспощадно нападал на всю правительственную систему Александра I, открыто называл его обманщиком народа, издеваясь над его „преобразованиями“. Каховский страстно призывал Николая к отказу от самовластия, к введению конституции, грозил ему судом истории, если он не согласится на нее. Но при всем этом угрюмый заговорщик Каховский имел наивность верить в „благие намерения“ Николая, в силу своей пропаганды, в возможность того, будто царь „сделается другом и благотворителем народа“! За свою наивную доверчивость Каховский поплатился самыми страшными нравственными муками. Дело в том, что в минуту откровенности он назвал лиц, принятых им в „тайное общество“, и таким образом выдал их. Мысль о предательстве не давала Каховскому ни минуты покоя. Его письма, касающиеся этого предательства, представляют собою отчаянный вопль раскаяния: он сознает

свое преступление перед „обществом“, называет себя убийцей выданных им товарищей и только о смягчении их участи он униженно умоляет Николая, выражая готовность претерпеть любую кару. Конечно, все эти мольбы оставались без ответа: для царя Каховский выполнил свою роль, и, истерзанный нравственными пытками, был посажен на суровый крепостной режим.

Кроме Каховского, и многие другие декабристы изливали свою душу перед Николаем, пропагандировали перед ним свои идеи!

Правда, не все декабристы поддавались „нравственному воздействию“ „царственного сыщика“, и к ним применяли тогда другие приемы: морили голодом, держали в чудовищно-грязных казематах, заковывали в железо, быть-может, даже пытали. Недаром один, размозжил себе голову о стену, другой глотал битое стекло, чтобы покончить с собой, третий сошел с ума...

Описанные способы дознания и коварно внушаемая мысль о „царском милосердии“ к „раскаявшимся“ объясняют до известной степени поведение декабристов при допросе их Николаем и в особой следственной комиссии, объясняют отсутствие у них товарищеской солидарности. Другая причина этого заключалась в том, что побежденные декабристы сознавали себя одиночками, оторванными от массы, с которой они не решились связаться 14 декабря. Наконец, не могло быть особой солидарности у людей, не связанных между собою в процессе труда. И все же эти причины не могут служить оправданием для многих декабристов, которые в своей откровенности перехватили всякую меру, высказывали то, о чем их даже не спрашивали. Некоторые из них старались построить свое оправдание на оговоре своих сотоварищей, всячески чернили Пестеля, сваливали на него всю ответственность. В этом отношении особенно усердствовал Трубецкой. Он уверял, что не сделал раньше донсса на Пестеля только потому, что не мог представить свидетелей своих бесед с ним. Трубецкой и некоторые другие выдавали всех поголовно. Были, впрочем, исключения: например, Пестель вел себя очень мужественно и сначала избегал всяких показаний, а затем, убедившись, что судьям все уже известно от других, в спокойной форме изложил историю

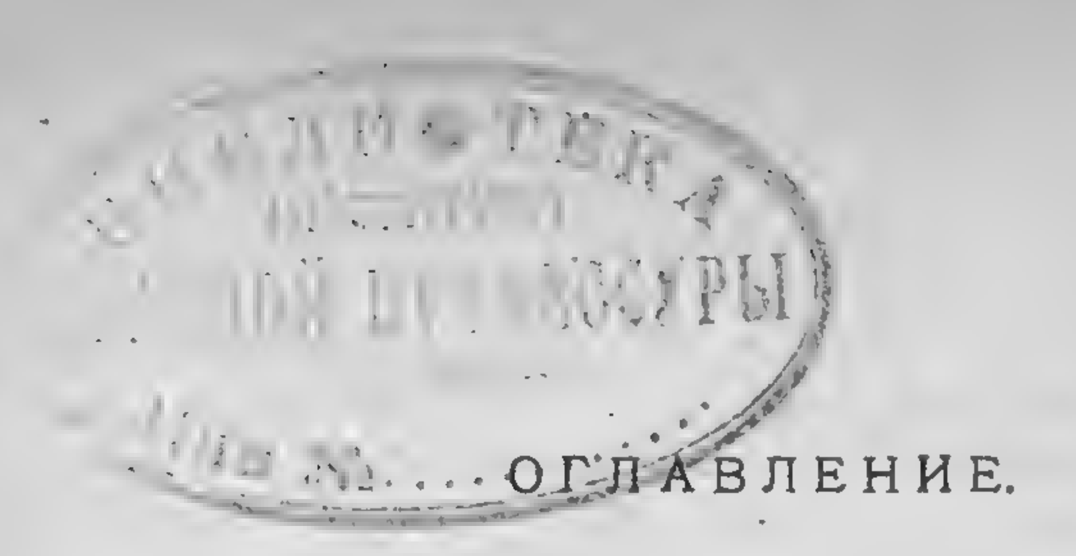
„тайных обществ“, не оправдываясь в приписываемых ему „преступлениях“, выгораживая товарищей. Впрочем, и Пестель не выдержал тона: в своих письмах из крепости он выражал раскаяние, обращался к „жалости и милосердию“ царя, просил о помиловании, давал обещание посвятить всю свою жизнь „безграничной благодарности и привязанности к царю“. Полное самообладание выказали лишь немногие допрашиваемые: так, отказался от всяких объяснений Лунин, мало показывали и члены общества „соединенных славян“. Такое поведение большинства декабристов на суде и следствии будет понятно нам только тогда, когда мы вспомним, что и судьи, и обвиняемые были врагами только в известной мере, что все они были членами, так сказать, одной и той же семьи, людьми с общим языком и общей психикой, представителями одного и того же господствующего класса. Вполне естественно, что для князя Трубецкого русский царь был врагом совсем не в том же смысле и не в той же мере, как пятьдесят лет позднее для рабочих Халтурина, Алексеева и др.

Некоторые из допрашиваемых были освобождены от суда. Это были те, кто нашел особенно влиятельных покровителей. Остальные в числе 121 человека (из них 61 „северян“, 37 „южан“ и 23 „соединенных славян“) были преданы Верховному уголовному суду. Суд являлся пустою формальностью и осудил обвиняемых заочно согласно полученным от царя распоряжениям. Подсудимые по степени назначенного им наказания были распределены на одиннадцать разрядов. Пятеро были приговорены к четвертованию, тридцать один — к отсечению головы, семнадцать к лишению всех прав и бессрочной каторге, остальные к ссылке на разные сроки. Распределение по разрядам сделано было очень странно: так, например, в число приговоренных к смерти, попали такие „мирные“ граждане, как Тургенев и Никита Муравьев. Чтобы щегольнуть своим „милосердием“, Николай I „смягчил“ затем приговор. Смертная казнь „без пролития крови“, т.-е. через повешение, сохранена была пятерым: Пестелю, Серг. Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину, Рылееву и Каховскому; остальным дана была каторжная работа, бессрочная или срочная (от 20 до 5 лет), заключение в крепости, разжалование в солдаты или матросы.

Приговор в окончательной форме был подписан 10 июля ст. ст. 1826 г. Смертная казнь над пятерыми осужденными, была совершена рано утром 13 июля в Петропавловской крепости. Все пятеро, по словам очевидцев, сохраняли в пути на казнь полное самообладание. Двое сорвались с петель, но их вздернули вновь. Место погребения тщательно скрывалось. Так кончилось декабрьское движение...

Из всего рассказанного видно, что это движение нельзя назвать революцией в настоящем смысле этого слова. Народная масса в нем не участвовала, хотя и могла бы участвовать, если бы главари движения захотели связаться с нею. Однако, как мы видели, „северное общество“, выражавшее помещичье-буржуазные интересы, пугалось революции, а „южное общество“ с его мелкобуржуазной программой, представляло себе революцию в виде военного восстания. Тем не менее дни $^{14}/_{26}$ декабря и 28—31 декабря (9—12 января 1826 г.) следует вспоминать, во-первых, потому, что в эти дни от ядер николаевских пушек лилась народная солдатская кровь, а, во-вторых, это была внушительная демонстрация против самодержавия.

В последующие годы дворяне не боролись с самодержавием. Причины этого в том, что самодержавие снова стало нужным помещикам для сохранения крепостного права, которое отвергали декабристы. Почему случилось так? А потому, что хлебный вывоз долго не поднимался; у помещиков вследствие этого не было денег для найма рабочей силы и приходилось дорожить крепостным трудом, хотя и непроизводительным, но зато даровым. Только через двадцать слишком лет после декабрьского движения, когда обнаружился новый подъем хлебных цен и начался натиск фабрикантов, требовавших свободных, открепленных от земли рабочих, только тогда помещики и крупная буржуазия стали снова поговаривать об отмене крепостного права и втайне подумывать об ограничении самодержавия. Но на революционный путь они не вступали. После уничтожения крепостного права на этот путь вступили рабочие и крестьяне.



ОГЛАВЛЕНИЕ.